

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ
И ТЕХНИКИ им.С.И.ВАВИЛОВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ФИЛИАЛ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФОНД ИСТОРИИ НАУКИ

М.Г.Ярошевский

Л.С.ВЫГОТСКИЙ: В ПОИСКАХ
НОВОЙ ПСИХОЛОГИИ

Издательство
Международного фонда истории науки
Санкт-Петербург
1993

**RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF THE NATURAL HISTORY
AND TECHNOLOGY NAMED AFTER S.I. VAVILOV
ST.-PETERSBURG DEPARTMENT**

INTERNATIONAL FOUNDATION FOR HISTORY OF SCIENCE

M.G. Yaroshevsky

**L.S. VIGODSKY: IN SEARCH
FOR THE NEW PSYCHOLOGY**

Publishing House of
International Foundation for History of Science.

St.-Petersburg

1993

ББК 7403
37(09)
УДК 52(091)

Ярошевский М.Г. Л.С.Выготский: в поисках новой психологии.—СПб.: Международный фонд истории науки, 1993.—301 с.

Американский философ Эстуллин назвал Выготского Моцартом психологии. Как и Моцарт, Выготский рано ушел из жизни, успев сделать непостижимо многое. Если бы в этом возрасте ушел из жизни Фрейд, наука не знала бы психоанализа; если бы ушел Павлов—не знала бы учения об условных рефлексах.

Дитя "серебряного века" русской культуры, Выготский в сложных условиях репрессий против науки внес выдающийся вклад в развитие системы знаний о психическом мире человека, его строении и развитии. Полученные результаты им внедрены в практику воспитания и обучения, в организацию работы новых научных институтов.

Выготский изучал психический мир и как человек науки, и как человек искусства. Поэтому его видение глубин душевной жизни отличается новизной и оригинальностью. Его труды предназначены для всех интересующихся тайнами нашей душевной жизни. Идея ученого складывалась в напряженных диалогах с представителями главных научных школ Запада—от Фрейда до Пиаже. Перед читателями проходит широкая панорама развития мировой психологической мысли, где творчество Выготского является одним из поворотных моментов.

В книге прослежены тенденции научной работы, намеченные в незавершенных трудах Выготского. Показано, что разрабатываемые Выготским проблемы актуальны для изучения учеными будущих поколений.

Автор книги—профессор, д.п.н., почетный академик Российской Академии Образования, один из организаторов и редакторов 7-томного собрания сочинений Л.Выготского, автор более 50 книг в области теории развития и истории психологии, опубликованных на многих языках мира.

*Ответственный за выпуск
профессор А.И. Мелуа*

© Ярошевский М.Г., 1993

© Международный фонд истории науки, 1993

© Фирма "Стройлеспечатль", 1993

ISBN 5-86050-053-X

*Посвящается моей жене
Анне Израилевне Липкиной*

Введение

В развитии российской психологии в советский период центральная роль принадлежала Л.С. Выготскому, его школе, ученикам и последователям.

Движение знания неравномерно. В нем возникают эпохи "взрывов творчества". Для психологии России такой эпохой стали 20-е—первая половина 30-х гг. Этот сравнительно короткий отрезок исторического пути психологической науки по концентрации интеллектуальной энергии ее творцов и богатству новаторских идей неизмеримо превосходит все последующие.

Это было обусловлено как социальными обстоятельствами, так и событиями в научном мире. Одно из направлений русской психологической мысли, зародившееся после отмены крепостного права, было связано идейными корнями с освободительным движением.

Его сверхзадачей стало обоснование программы воспитания "новых людей", твердые нравственные принципы сознательно-волевого поведения которых так же невозможно изменить, как законы природы.

Это задание века исполнил отец русской физиологии и научной психологии Иван Михайлович Сеченов. В те времена, по свидетельству Н.Е. Введенского, в России не считался образованным человек, не прочитавший трактат "Рефлексы головного мозга". В этом трактате, вошедшем в сеченовскую книгу "Психологические этюды", был изложен план разработки новой психологии. Имелась в виду, в противовес психологии, как учению о бестелесном, замкнутом в себе сознании, наука об объективно наблюдаемых целостных актах, в которых внутренние душевные движения нераздельно сопряжены с работой организма, возникая в его жизненных встречах с внешней средой. В этих встречах (а не в глубинах сознания) следует искать причины порождения и развития психических явлений. Сеченовская концепция, сочетавшая объективный метод (в противовес царившему в тот период субъективному) с принципом причинного (детерминист-

ского) объяснения сознания стала основополагающей для научной психологии в России. Ведь научное знание—это знание причин. Только благодаря этому оно обладает "предсказанием и властью", как говорил последователь Сеченова, другой великий детерминист И.П.Павлов. Его учение о высшей нервной деятельности, доказавшее в точном эксперименте способность живых существ к приобретению новых форм поведения, было созвучно зову времени.

В предгрозовой атмосфере между двумя революциями 1905 и 1917 гг. вопрос о заложенных в самом организме человека перспективах преобразования его реального поведения приобрел еще большую остроту, чем в сеченовские времена.

После поражения революции 1905 года одно направление русской мысли искало выход в "перенастройке" личности на внутреннюю духовную жизнь. Манифестом этого направления стал сборник "Вехи".

Другое направление отстаивало права науки (с присущим ей детерминистским подходом к любым явлениям) на объяснение того, как изменяется жизнедеятельность под воздействием внешних стимулов на высшие нервные центры. Идеи этого направления определили успехи двух мощных научных школ—И.П.Павлова и В.М.Бехтерева. Обе школы под именем рефлексологических оказали непреходящее влияние на развитие мировой психологической мысли в XX столетии.¹

Обе школы сложились до революции, но, как писал впоследствии Выготский, "революция усыновила новую психологию". Хотя И.П.Павлов не считал себя психологом, Выготский, подводя итоги развития психологии за первое советское десятилетие, оценивал концепцию условных рефлексов как "решающий фактор в общем развитии психологической науки"². И действительно, молодая, делавшая

1 Знакомство с переводом книги В.М. Бехтерева "Объективная психология" повлияло на Джона Уотсона—отца бихевиоризма—течения, которое, как известно, определило облик американской психологии в XX столетии. В дальнейшем приверженцы этого направления вели его родословную от И.П.Павлова.

2 Выготский Л. С. Психологическая наука в СССР. Общественные науки в СССР, М.: 1928. С. 30. Заметим, что эти строки писались, когда уже появился ряд работ (К.Н.Корнилова, П.П.Блонского, М.Я.Басова, И.Н.Шпильрейна, самого Выготского), где проступали контуры особой области психологической работы, отличной по своему предмету, задачкам, направленности от учения о высшей нервной деятельности. Но именно это учение, согласно Выготскому, стало "решающим фактором" в развитии психологии.

первые шаги советская психология видела надежную опору в павловском учении, ставшем не только крупным научным, но и общественным событием. Учение Павлова стало "завязью" концепции Выготского, изложенной в его первой книге "Педагогическая психология". Она звучала как гимн условному рефлексу. "Воспитание,—писал автор,—чего бы оно ни касалось и какие бы ни принимало формы, всегда имеет в конечном счете в своей основе механизм условного рефлекса"¹.

По свидетельству автора, он видел свою задачу в том, чтобы показать двигательную, рефлекторную природу всякой формы поведения. Это однозначно говорило о том, что, начиная свой путь в психологии, Выготский декларировал приверженность сеченовской традиции. За исходный пункт психологического анализа принималось реальное действие организма, рефлекторное по природе, а не факты субъективного опыта, открытые "внутреннему взору" личности. Это вовсе не означало редукции этих фактов к механизму рефлекса наподобие того, как это представлялось некогда после прочтения "Рефлексов головного мозга" одной сибирской купчихе: "Петербургский профессор Сеченов доказал, что души нет, а есть только рефлексы". Взгляд на человека как "рефлекторную машину", приписанный естественнонаучному направлению его противниками, был лидерам этого направления глубоко чужд.

В своей программной речи в Мадриде, где на международном медицинском конгрессе Павлов впервые оповестил научный мир об открытии условных рефлексов, он сказал, что полученные им объективные данные "наука перенесет рано или поздно и на наш субъективный мир и тем сразу и ярко осветит нашу столь таинственную природу, уяснит механизм и жизненный смысл того, что занимает человека все более и более—его сознание, муки его сознания"². Ход от рефлекса к сознанию пытался наметить Сеченов. Внешнее действие, полагал он, может быть задержанным (благодаря включению открытого им в головном мозгу механизма торможения). Но оно не исчезает, а превращается во внутреннее, образуя незримую область мышления и воли. Этот принцип, названный впоследствии интериоризацией, стал

1 Выготский Л.С. Педагогическая психология, 1926. С. 8.

2 И.П. Павлов. Полн. собр. соч., 2-е изд-е. М.-Л.: 1951. Т. 3. К. 1. С.39.

опорным и для Выготского. Однако в его истолкование Выготский внес качественно новый момент.

В первые послереволюционные годы идейную атмосферу в молодой республике определяло не только естественнонаучное направление русской мысли. Огромное влияние приобретает течение, которое воспринималось прежде как одна из социально-экономических доктрин, теперь же утверждается в качестве обязательного государственного мировоззрения. Это был марксизм, нашедший адептов и в ученом мире, в том числе в научно-психологическом сообществе.

К марксизму обратился и Выготский. Именно это позволило ему решить проблему, ключ к которой не содержало павловское учение, а именно проложить мост от условных рефлексов к высшей форме жизнедеятельности человека—его сознанию.

Выготский пришел в психологию, будучи школьным учителем в провинциальном Гомеле, и занятия этой наукой имели для него самый прямой практический смысл. В определении научных начал воспитания высокосоциальной личности—строителя нового социального мира—заключался пафос исканий Выготского. "Перед нами—подчеркивал он—стоят конкретные цели подготовки людей ближайшей эпохи, людей ближайшего поколения в полном соответствии с той исторической ролью, которая выпадает на их долю"¹.

Психология призвана стать научным ориентиром в деле превращения школы муштры в школу сознательного творчества. Эта социальная задача побуждала к тому, чтобы сосредоточиться на проблеме сознания, но решать ее в контексте психологии поведения².

Понятие о сознании являлось в те времена предметом другой психологии—интроспективной. Ее догмат о том, что нет иного пути к внутреннему миру личности, кроме субъективного метода (интроспекции), считался непреложным и на Западе, и на университетских кафедрах психологии в России. Эта психология имела дело с асоциальным индивидом, замкнутым на феноменах собственного сознания. Марксизм был учением об общественно-исторической природе человека. Тем самым создавались предпосылки для поиска новых причинных факторов (детерминант) явлений сознания. Прежде, в различ-

1 Выготский Л.С. Педагогическая психология. 1926. С. 227.

2 Первая программная статья Выготского так и называлась: "Сознание как проблема психологии поведения" (1925).

ных концепциях, за единственную детерминанту этих явлений принимались воздействия природных агентов—физических раздражителей, стимулов, сигналов. Марксизм поставил во главу угла социальную детерминанту. Речь шла об общественных отношениях, первичных по отношению к индивидуальному сознанию. Такой подход решительно менял перспективу, хотя никаких гипотез о механизме преобразования внешних отношений между людьми во внутриспсихическую жизнь личности марксистская философия не предлагала.

Между тем, Выготский уже располагал сведениями о механизме интериоризации, открытом Сеченовым применительно к двигательной активности. Сомкнув идеи Сеченова и Маркса, Выготский выдвигает положение о том, что психические функции человека сперва существуют в системе отношений между людьми (т.е. являются социально заданными) и лишь вторичным образом превращаются в персональное достояние индивида, его психические функции. Это наглядно выступает в такой функции, как речь. Она не может изначально быть иной, кроме как обращенной к другому и лишь вторично, интериоризуясь, она становится неслышной речью про себя и для себя. Взгляда на речь с позиций психолога не был случайным поворотом в творческой судьбе Выготского. Его первая встреча с психологией произошла при чтении трактата великого русского ученого А.А.Потебни "Мысль и язык". В ней также в качестве детерминанты выступил фактор социальности в виде формируемой языком общенародной мысли, от которой зависит работа индивидуального ума.

Влияние Потебни на Выготского сказалось и в другом. Потебня исходил из постулата об уникальности языка как порождения национальной жизни. За этим крылась убежденность в уникальности каждой культуры, на почве которой рождается и растет язык. Поскольку язык социален, то отвергалось представление о безразличии социальных процессов к культурным инвариантам, а общенародный характер языка ставил под сомнение т.н. классовый подход к культуре. Слово "культура" с ее "лица необщим выражением" стало девизом для Выготского. Обращение к культуре, наряду с отстаиванием ее своеобразия, имело для психологии еще один принципиально важный аспект. Понятие о социальном говорило прежде всего об отношениях между людьми, тогда как культуру образуют материализованные ценности, способные сохраняться в различных системах общественных отношений (таковы язык, орудия производства, искусство, религия, наука). Эти ценности не зависят также от потока сознания индивида, явля-

ются для него внешними, объективно заданными и потому способными служить источником "внешних" причинных влияний на этого индивида. Тем самым открывалась перспектива с новых позиций подойти к проблеме детерминации психического, которая прежде (явно или скрытно) сводилась к выяснению его зависимости от физических, природных агентов (раздражителей, стимулов, сигналов).

Выготский воспринял уроки не только Потемни, но и его критиков, считавших, что Потемня психологизировал язык, тогда как он представляет собой систему знаков и форм. Система существует на собственных основаниях и не нуждается в том, чтобы к ней примешивали недоступные объективному анализу психические процессы. Сложившаяся в русской науке т.н. формальная школа учила понимать словесный материал речи как независимую от ее содержания объективную структуру. А это открывало еще одну перспективу поиска детерминант сознания. В роли одной из них выступил знак. Его объективность, в смысле независимости от психики, позволила поставить его в тот же ряд определяющих ее факторов, к которому уже были отнесены стимул, сигнал и другие внешние детерминанты. Но у знака имелось важное преимущество перед ними. Они представляли нерукотворную природу, он—творимый людьми мир культуры. Это позволило Выготскому сомкнуть почерпнутую в марксизме идею о социальной детерминации сознания с идеей о его знаковой, заданной миром культуры, детерминации. Итак, интеграция различных научных направлений (рожденных преимущественно на русской почве) привела Выготского к новаторской концепции сознания. Основным компонентом сознания, согласно первоначальной версии Выготского, следует считать речевой рефлекс. В этом понятии были спаяны поведение организма (слово рассматривалось как вербальное поведение), общение (слова нет вне отношения "Я и другой"), мышление (без которого слово опустошается) и культура (в виде исторически изменчивой знаковой системы языка). Каждое из направлений, на "перекрестке" которых и "завязывалась" концепция Выготского, сложилось по своей логике и программе. Выготский черпал в них значимое для собственного замысла. Но в любом случае—будь то Павлов или Маркс, Потемня или формальная школа,—он ничего не переносил из чужой теории в собственную. Ничто не было ему так чуждо, как эклектизм. Особый склад его ума позволил интегрировать достижения различных научных школ и направлений в новую теоретическую структуру. Исходная ориентация на Поведение организма, Общение, Сознание, Культуру обра-

зовали синтез ядра этой структуры. Менялись его исследовательские программы, но ядро оставалось сохранным.

До сих пор речь шла о факторах, обращение к которым позволяло трактовать сознание в его причинной обусловленности непсихологическими "внешними" по отношению к нему природными и социальными "силами". Вместе с тем, перспективы психологии применительно к задаче преобразования человека были бы ничтожны, если бы его сознание не обладало самостоятельным причинным влиянием. Детерминизм биологический (дарвиновский, павловский) и детерминизм социальный (марксовый) не исчерпывают возможности причинного анализа человеческой жизни. Имеется психическая причинность, без опоры на которую научное объяснение этой жизни неотвратимо становится редуccionистским, т.е. выводящим ее ход либо из законов естественного отбора и рефлекса, либо из законов социоэкономической истории общества. Решающий вклад Выготского заключался в обосновании и разработке с опорой на пласты эмпирического материала (частично им самим "раскопанные") принципа психической причинности. Это позволило открыть собственные закономерности развития психики, неслиянные с биологическими и социальными (хотя и неотчуждаемые от них).

Решить эту задачу на почве русской культуры он мог только потому, что к этому привела логика развития мировой психологии. Мы видели, как кристаллизывались идеи Выготского в духовной атмосфере России на великом историческом переломе. Но, возникшая в конкретном социокультурном ареале, научная мысль движется по маршруту, уготованному динамикой ее собственных форм, категорий, когнитивных структур. Выготский появился в психологии в годы сотрясавшего ее кризиса. Разрушались прежние теории, ставились под сомнение прежние факты. Представление о психологии как единой, целостной дисциплине ушло в прошлое. Появилось множество психологий. Предмет психологии дан в системе ее категорий, наиболее общих, предельных понятий. Происходил их радикальный пересмотр. Появились новые концепции, на разработке которых сосредоточились группы ученых. Каждая из них утверждала собственное кредо. Бихевиоризм отверг взгляды на действие субъекта как внутренний акт сознания, противопоставив ему свою веру: у научной психологии не

может быть другого предмета, кроме объективно наблюдаемых реакций живых существ на раздражители. Психологии было отказано в праве изучать внутренний мир, сознание субъекта. За счет аннигиляции сознания психология выиграла огромную область явлений за его пределами. В тот же период за пределы сознания к другой области— "кипящему котлу" неосознаваемых влечений—вывел психологию фрейдизм. К сфере социальных связей ее направили французские исследователи (Жане и др.), к включениям личности в мир культуры—немецкий философ Дильтей. Наконец, еще одно направление—гештальтизм—изменило прежние воззрения на сознание, доказывая, что его анализ призван иметь дело не с отдельными его элементами, но с целостными психическими образами—гештальтами.

Все основные категории психологии—образ, действие, мотив, общение, личность—претерпели коренные изменения, запечатлев, тем самым, новый уровень в эволюции категориального аппарата психологического познания. От этого уровня отправлялся Выготский, выработывая в полемике с различными школами собственные представления и выходя тем самым на новый виток.

Тугой узел проблем завязался в связи с конфронтацией естественнонаучного и культурно-исторического направлений, каждое из которых претендовало на свое видение психики человека. Союзу с науками о природе, придавшему мощный импульс превращению психологии в экспериментальную науку, был противопоставлен проект исследований, разрывающих этот союз во имя постижения личности в контексте наук о духе и его превращениях в истории культуры. Конфликт двух ориентаций (на природу и на культуру) обнажила на рубеже XX в. полемика между сторонником экспериментального изучения явлений сознания Г.Эббингаузом¹ и философом В.Дильтеем, призвавшим взамен причинного объяснения этих явлений понимать человеческую душу как особую целостность. В те же годы Вундт, начинавший свою карьеру как физиолог, переходит к культурологии, пишет фолианты, посвященные языку, мифу, и другим формам культуры. Приоритет социальных и культурных факторов в динамике процессов сознания становится лейтмотивом ряда концепций (П.Жане, Д.Мид, Д.Болдуин и др.).

1 Ebbinghaus H. Ueber erklärende und beschreibende Psychologie. Zeitschrift für Psychologie und Physiologie der Sinnesorgane. Bd. IX, 1895.

Если оценивать в целом ситуацию, сложившуюся в начале XX в. в научно-психологическом сообществе, то можно без преувеличения сказать, что роли этих факторов стали отныне придавать не меньшую значимость, чем роли физиологических факторов и биологических законов, как это было в предшествующий период. Подводя итоги развития современной ему психологической мысли, русский ученый Н.Н. Ланге в 1917 г. записал: "Душа человеческой личности в 99% есть продукт истории и общественности"¹. Такая ситуация вела к своего рода компромиссу, к зарождению представлений о различных "стратах" психического, одна из которых (элементарная) определяется природным, телесным субстратом, тогда как другая (высшая) — продукт социокультурных влияний. Подобный компромисс создавал потребность в новых концепциях и решениях. Тогда настало время Выготского.

¹ Ланге Н.Н. Психология. М., 1917. С. 27.

Оценка Выготским собственных позиций такова: "Наше слово в психологии—от поверхностной психологии: в сознании явление не равно бытию. Но мы себя противопоставляем и глубинной психологии. Наша психология—вершинная психология (определяет не "глубины", а "вершины" личности)"¹. Этой метафорой он завершил свой последний программный доклад².

Он видел задачу науки в изучении тех процессов и отношений, которые скрыты за "имиджами", творимыми самонаблюдением.

Особую технику расшифровки этих "имиджей" разработал прочно вошедший в западную культуру XX века психоанализ. Выготский также размышлял об анализе сознания. Но вектор движения психологической мысли виделся ему устремленным не к древним комплексам из биологического "подполья", а к смысловым структурам сознания, развитие которых обусловлено включенностью личности в социокультурный мир.

Научное знание производится посредством научной деятельности, единицей анализа которой является исследовательская программа. В текстах Выготского заложено множество продуктивных идей и представлений, получивших резонанс не только в психологии, но и во многих других областях знаний. Их следует отличать от исследовательских программ как относительно стабильных форм организации деятельности, каждая из которых ограничена конкретным проблемным полем, поэтапно разрабатываемым посредством определенной "технологии" с целью достижения проектируемого результата. Выготским были реализованы две программы, прославившие его в мировой науке, и намечены контуры третьей.

Первая программа может быть названа инструментальной психологией (по имени примененного в ней метода исследования процессов сознания посредством "психологических орудий"—знаков как "инст-

1 См. Выготский Л.С. Собр. соч. Т. 1. С. 166.

2 По свидетельству А.Н. Леонтьева (по записи которого воспроизводится процитированный текст), доклад Выготского занял "огромное время—с примерно двухчасовым перерывом он продолжался более 7 часов, а его обсуждению был посвящен еще один день". (Там же. С. 467).

рументов"). Она возникла в особой познавательной ситуации. Логика развития психологии привела к расщеплению этой науки на две полярные области. Изучению ее феноменов посредством естественнонаучных методов (с ориентацией на нормы каузального объяснения) было противопоставлено изучение высших проявлений духовной жизни, отличавших человека как социокультурное существо от других живых существ. Оно отвергало детерминизм во имя телеологии, объективный метод во имя описания и понимания. Считая этот раскол лишаящим науку возможности исследовать психическую жизнь во всей ее полноте и целостности, Выготский, следуя методологии историзма, ищет выход в том, чтобы объяснить: каким образом высшие формы возникают из элементарных. Эта задача привела его к первой исследовательской программе. Итогом ее исполнения стало учение о двух уровнях организации человеческой психики с детальной схемой развития ее высших функций.

Вторая программа также зародилась в конкретной проблемной ситуации, сложившейся в мировой психологии. Экспериментальный анализ мышления принес славу т.н. Вюрцбургской школе, введя в оборот важные факты и идеи. Но школа начисто игнорировала роль слова как орудия интеллектуальной активности, хотя именно один из лидеров этой школы Н. Ах создал методику изучения умственных операций посредством знаков (искусственных слов), вскоре воспринятую (хотя и с некоторыми коррективами) Выготским.

В тот же период, когда распалась Вюрцбургская школа, В. Келер доказал в своих классических опытах, проведенных на шимпанзе, что они способны к интеллектуальному поведению, которое, как он полагал, не отличается "по роду и виду" от решения проблем людьми. И в Вюрцбургской школе, противопоставившей телесную активность ума продуктам органов чувств, и у Келера, считавшего, что умными могут быть не только акты "чистого" сознания, но и реакции обезьян, мышление виделось процессом безразличным к речи, языку. В теоретическом плане такой подход для Выготского был изначально неприемлем. Но чтобы с высот философских соображений спуститься на уровень научных решений, требовалась опять-таки исследовательская программа, способная сквозь призму почерпнутых в эксперименте фактов выявить характер отношений между мышлением и речью. Итоги работы по этой программе отразила последняя и главная рукопись Выготского "Мышление и речь".

Уже в этой рукописи просвечивали следы новой программы, где была заложена гипотеза о силах, движущих интеллектом человека (об аффектах, переживаниях, мотивах) и, наконец, о личности как высшей системе, имеющей собственный путь развития ("драматическая психология"). Выготский вводил ряд новых представлений: о драматизме этого развития, о социальной ситуации, в которой оно совершается, о его "ближайшей зоне", о личностном возрасте, который следует отличать от умственного, и переживании как главной единице сознания¹.

О том, как Выготскому трудно было жить не только из-за частых вспышек болезни, но и духовной атмосферы тех лет, хорошо знали близкие ему люди. Приведу фрагмент из сказанного мне Б.В. Зейгарник: "У Выготского была очень тяжелая жизнь. Он был гениальный человек, создавший советскую психологию. Его не понимали. Он бегал, я помню, как затравленный зверь, по комнате и говорил: "Я не могу жить, если партия считает, что я не марксист". Если хотите, Выготский фактически убил себя, или, я так бы сказала: он сделал все, чтобы не жить. Он намеренно не лечился."²

В 1931 г. Б.Г. Ананьев, призывая "вывести советскую психологию... из истории большевизма и работ Сталина, образующих единственно верный критерий по отношению к истории психологической науки"³, заклеил концепцию Выготского как "идеалистическую ревизию исторического материализма и его конкретизацию в психологии"⁴.

Не знаю, побывала ли в руках Ананьева рукопись Выготского о кризисе в психологии, но в ней Выготский утверждал: "Неправиль-

1 В дальнейшем, у других исследователей, эти представления стали завязью новых проектов и исканий.

2 Привожу высказывание Б.В. Зейгарник по имеющейся у меня магнитограмме. В сокращенном виде оно опубликовано в связи с воспоминаниями Зейгарник о школе Левина в журнале "Вопросы психологии" (см.: Ярошевский М.Г. В школе Курта Левина: Из бесед с Б.В. Зейгарник // Вопросы психологии. 1988. № 3. С. 172—179).

3 Ананьев Б.Г. О некоторых вопросах марксистско-ленинской реконструкции в психологии // Психология. 1931. № 3—4. С. 332.

4 Там же. С. 341.

ным я считал бы определение психологии как марксистской", поскольку надо работать над превращением психологии в науку, "а не согласовывать ее с теорией марксизма"¹. Ананьев же (поддержанный группкой полуграмотных "комиссаров") открыл в советской психологии мрачную эпоху "согласований" работы в этой науке с идеологией тоталитарного режима.

Сложившись как мыслитель в условиях "серебряного века" русской культуры, будучи воспитан на философии Спинозы и Гегеля, Выготский искал в марксизме ариаднину нить в лабиринте психологических проблем. Но марксизм означал для него общую методологическую ориентацию, и прежде всего ориентацию на историзм и социодетерминизм в объяснении как самой реальности душевной жизни, так и многовековых попыток научной мысли ею овладеть. Поэтому он действительно усматривал истоки научной психологии не в "истории большевизма", а в собственной летописи этой науки, начиная от Аристотеля,² и принимал ее имя "со всеми отложившимися в нем следами вековых заблуждений как живое указание на их преодоление, как боевые рубцы от ран, как живое свидетельство истины, возникающей в невероятно сложной борьбе с ложью".³ Поиск истины представлялся ему неотделимым от высокой нравственности. Иными были и философская культура, и уровень нравственности его критиков. У нас нет оснований не доверять процитированному выше свидетельству Б.В.Зейгарник. И если Выготский не просто был шокирован несправедливыми нападениями, но и оказывался из-за них в пограничной ситуации ("не хочу жить"), то очевидно, что вопрос в приверженности методологии марксизма имел для него экзистенциальный смысл, затрагивал глубинные основания его личности, его существования как человека науки⁴. Об ориентации Выготского на методологию марксизма и тех испытаниях, которые ему в силу этого пришлось претерпеть, писали некоторые западные психологи, в частности Дж.Брунер: "Когда мы думаем о психологических теориях Выготского, мы должны помнить

1 Там же. С. 435.

2 Там же. С. 428.

3 Там же. С. 429.

4 Чего нельзя сказать о его критиках, успешно адаптировавшихся к любым изменениям политической конъюнктуры.

о том, что он не только был марксистом, но и посвятил себя интеллектуальному обновлению доктрины Маркса. Также хорошо известно, что его усилия, направленные на такое обновление, принесли ему много неприятностей из-за столкновений с официальной русской идеологической доктриной¹.

Выготскому выпало работать в эпоху, когда энтузиазм послереволюционных лет угасал в условиях идеологического гнета. Он испытал его на себе при жизни. Одна из его главных концепций была осуждена за идеализм, а по поводу запечатлевшего ее экспериментальные исследования развития памяти ему пришлось, совместно с проводившим эти исследования А.Н.Леонтьевым, каяться в печати. Вскоре после его кончины газеты сообщили о постановлении ЦК ВКП(б), запрещавшем педологию—науку о комплексном изучении ребенка. Выготский считался одним из ее лидеров, и над его трудами и именем нависла тень, а затем на них, по существу, было наложено табу².

Выготского продолжали изобличать и в самом страшном в тысячелетней истории России 1937 году. Быть может тогда бы его ждала участь его кузена и близкого друга—знаменитого латиниста Д.И.Выгодского,³ подвергнутого, по воспоминаниям поэта Николая Заболоцкого, страшным пыткам в подвалах НКВД и вскоре погибшего. Труды Выготского больше не издавались. Упомянуть о нем считалось предосудительным. Лишь в 1956 году вышли из печати его избранные психологические исследования. В связи с этим приведу любопытное свидетельство, принадлежащее известному французскому психологу Р.Заззо: "Я расскажу немного о том, что я знаю, будучи довольно скромно замешан в том, что можно назвать "реабилитацией" Выготского... Выготский был первой жертвой политики изоляции, идеологической диктатуры, устанавливавшейся в климате предстоящей войны... Надо было ждать 1954 г., чтобы имя Выготского было снова

1 Bruner J. Vygotsky's Zone of Proximal Development: the Hidden Agenda // *Children's Learning in Zone of Proximal Development*. San Francisco. 1984. P. 93.

2 В 1936 году—к столетию Выготского—был подготовлен в память о нем сборник, для которого прислали статьи многие ведущие западные психологи. Однако издать его не успели, а вышедшее летом того года партийное постановление о педологии сделало издание вообще невозможным.

3 В одной из бесед со мной (июнь 1987 г.) очень близкий Выготскому С.Ф. Добкин сказал: "На Выготского трудно было кому-либо оказать влияние. У него были твердые собственные убеждения. Но если кто и оказал, то Давид Выгодский".

произнесено, впрочем очень скромно. Алексей Леонтьев, которого я еще не знал, предложил мне лично с ним встретиться. Каков предмет этой встречи? Выготский. Именно Леонтьев рассказывает мне о судьбе своего учителя, произведения которого исчезли из всех библиотек. Леонтьев ставит своей задачей прервать это молчание и заявляет, что я могу ему помочь. "Оттепель" медленная и ненадежная¹. Надо воспользоваться настоящей атмосферой и ускорить ход вещей, публикуя за границей произведения Выготского. Тем самым можно надеяться, что советские издатели последуют за этим. Речь шла о том, чтобы найти издателя, используя связи, которые я имел в Америке. Лурия принял эстафету позже. Он успел там, где я "провалился". Тексты Выготского появились в 1955 г. в Соединенных Штатах Америки. Год спустя эти же произведения были опубликованы в СССР. Это был эффект, на который мы рассчитывали"².

Сейчас эта заметка Заззо служит напоминанием о временах, когда вернуть Выготского было непросто.

Закономерно не только рождение идей, но и изменение их восприятия. В связи с этим обратим внимание на обстоятельства, в силу которых психологи западного мира, многие годы ассоциировавшие русскую психологическую школу с именем Павлова, ныне все чаще обращаются к Выготскому. Если изредка в те годы за рубежом и вспоминали о нем, то в связи с опубликованной в одном из американских журналов его экспериментальной работой о мышлении при шизофрении³. Между тем о Выготском и об одной из его главных психологических концепций западные психологи могли бы узнать еще в 1929 г. Это был год, когда впервые в США был созван Международный психологический конгресс. Девятый по счету. На конгресс прибыла представительная советская делегация, в состав которой входили

1 В этой связи Заззо упоминает повесть "Оттепель" Ильи Эренбурга.

2 Zazzo R. Vygotski [1896-1934] // *Enfance*. 1989. 1—2. P. 7. Заззо, говоря об идеологической атмосфере, сделавшей Выготского "жертвой политики изоляции", упоминает о том, что в 1937 г. в Москве намечался международный психологический конгресс, который, однако, не состоялся. Сведениями об этом я не располагаю.

3 В русском варианте: Выготский Л.С. К проблеме психологии шизофрении // *Современные проблемы шизофрении. Совр. невропатология, психиатрия, психогигиена*. 1932. Т. 1. Вып. 8.

восьмидесятилетний Павлов и двадцатипятилетний Лурия. Она была с большим почетом встречена участниками конгресса (при этом следует иметь в виду, что дипломатических отношений с США у Советской России тогда еще не было). Лурия привез подготовленный им совместно с Выготским доклад, тема которого—анализ так называемой эгоцентрической речи¹ ребенка, т.е. высказываний вслух "для себя", не обращенных к слушателю. Интерпретация этого необычного феномена (наблюдаемого у маленьких детей и исчезающего у них перед школой) следовала из новаторских представлений о развитии мышления, которым суждено было занять в будущем достойное место в мировой психологии Любопытный исторический прецедент. На этом же 9-м Международном конгрессе с сообщением на эту тему выступил другой будущий классик психологии—молодой швейцарский ученый Ж.Пиаже. Обсуждая один и тот же феномен, Выготский и Пиаже решительно расходились в его объяснении. За этим, в свою очередь, стояло различие в их методологических ориентациях.

На конгресс были представлены сотни докладов,² среди которых затерялись сообщения молодых, никому не ведомых европейских психологов о каком-то причудливом явлении, наблюдаемом на далекой периферии от магистральной линии поведения. Большинство участников конгресса (свыше тысячи) составляли американские психологи. Их символом веры была формула "стимул-реакция", автором которой они считали И.П.Павлова. Поэтому главным событием конгресса стало выступление на нем приехавшего из-за океана великого старца, встреченного бурной овацией.

Пройдет несколько десятилетий, и сознание мирового научного сообщества выделит из фона русской психологии фигуру Выготского. Бихевиоризм, знамена которого победно развивались в США в 20-х гг., в большинстве психологических центров утратил былое влияние. Пальму первенства он уступил другим направлениям. В центр психологии перемещались процессы, посредством которых приобретает и перерабатывается информация. Успехи научно-технической револю-

1 Замысел и методика исследования принадлежали Выготскому, под руководством которого группой его сотрудников проводились эксперименты. В них помимо Лурия участвовали А.Н.Леонтьев, Р.Е.Левина и др.

2 Когда председателя конгресса Мак-кин Кеттелла попросили поделиться впечатлениями о нем, он сказал, что психология напоминает ему "огромную медузу, которой следовало бы придать хоть немного костей".

ции привели к созданию машин, для описания свойств которых стали применять такие термины, как "память", "интеллект" и т.п. Бихевиоризм игнорировал эти свойства как объективно непостижимые для других людей, доступные только субъекту, наблюдающему за процессами внутри собственного сознания. Теперь оказалось, что нечто подобное этим процессам способны выполнять компьютеры. Поворот к когнитивным процессам наметился по всему фронту психологических знаний, с ним совершилось и изменение исторического восприятия основного фонда этих знаний. Тогда-то и привлекли внимание работы Выготского, в центре которых—познавательная активность личности. Стало быть, подобно тому как труды Павлова придали импульс развитию мировой психологии в первой четверти XX в., труды Выготского оказались созвучны ее развитию в третьей четверти этого века. Замечу, что в наши дни в западной литературе складывается образ советской психологии как науки, развитие которой может быть представлено в виде смены двух эпох: сперва в ней доминировало учение И.П. Павлова, на смену которому пришло течение, у истоков которого стоял Л.С. Выготский. Так, французский марксист Л. Сэв, отметив, что "с точки зрения истории идей надо было бы самым подробным образом проанализировать вред, причиненный тем, что в течение десятилетий под сукном находилось пионерское произведение" (имеется в виду книга Выготского "Мышление и речь"), следующим образом охарактеризовал положение дел в советской психологии: "В 40—50-х гг. в СССР и союзных с ним странах в полную силу действовало "бюро ярлыков", согласно которому павловское официальное учение претендовало на то, чтобы указывать путь "марксистской психологии", соответствующей "диалектическому материализму". Историю этих заблуждений и их критического преодоления еще предстоит изучить"¹.

Л. Сэв несомненно прав, говоря, что по воле официальных идеологов павловское учение в 40—50-х гг. стали выдавать за основу марксистской психологии, при том—единственно соответствующую философии диалектического материализма.

За все это, естественно, И.П. Павлов никакой ответственности не несет. Известно, что он резко критиковал попытки некоторых своих учеников (в частности, П.К. Анохина) считать его учение об условных рефлексах "диалектико-материалистическим". По поводу одной из статей Анохина Павлов сказал: "Вы хотите думать по диалектическому материализму, дело Ваше, я Вам не препятствую в этом, но условные рефлексy к этому не притягивайте. Этого я не хочу" (И.П. Павлов в воспоминаниях современников. Л.:

¹ Enfance. 1989. 1—2. P. 13.

1967. С. 40). Павловское учение в дискуссиях конца 20-х - начала 30-х гг. многие считали механистическим, как и рефлексологию Бехтерева (кстати, преподававшуюся в ряде школ взамен психологии, но затем оттуда изгнанную). О диалектико-материалистическом характере учения Павлова стали говорить после пресловутой "павловской сессии" 1950 г., организованной по прямому указанию Сталина. Считаю, однако, нужным отметить такую деталь. Мне довелось ознакомиться с исходным текстом "заглавного" доклада на этой сессии, автором которого считался акад. К.М.Быков (в действительности доклад сочинялся большим коллективом). В тексте имелась правка Сталина. Около абзаца, в котором утверждалось, что Павлов "диалектический материалист", рукой Сталина было помечено: "просто материалист". Выходит, что Сталин более трезво смотрел на учение об условных рефлексах, чем Анохин.

Сам Сэв присоединяется к мнению Ж.-П.Бронкара по поводу "диалектического размаха мысли Выготского о том, что "это для нас единственны́й путь, по которому должна идти научная психология".

В сходном ключе, независимо от Сэва и до него, высказывался С.Тулмин: "Советская психология воспринималась американцами на протяжении последних 50 лет как чуждая и неприемлемая для Запада. Единственное имя, известное Америке, конечно же, Павлов". Отметив, что Павлова несправедливо считали "механическим детерминистом, грубым материалистом", Тулмин выразил удовлетворение по поводу того, что американцы благодаря книге, посвященной творчеству Выготского ("Сознание и общество"), получили возможность познакомиться с успехами советской психологии, объяснимыми "прежде всего ее ориентацией на культурно-исторический подход к психологическим проблемам. В результате достигнута высокая интеграция междисциплинарных наук и их взаимное обогащение" (Тулмин С. Моцарт в психологии // Вопросы философии. 1981. № 10. С. 135).

Выше было сказано, что западное научно-психологическое сообщество проявило обостренный интерес к идеям и трудам Выготского в ситуации, когда в этом сообществе когнитивистская парадигма взяла вверх над бихевиористской (в ее различных модификациях). Но это повлекло за собой оценку Выготского как "когнитивиста", в силу чего его теоретические воззрения получили одностороннюю оценку. В них усматривают главным образом новую концепцию развития познавательных процессов (прежде всего мышления и речи) под углом зрения их социальной детерминации. В этом только часть исторической истины. Ибо мышление интерпретировалось Выготским в качестве одного из компонентов психологической системы, интегрирующей интеллектуальное, мотивационное (по терминологии Выготского—аффективное) и личностное в организации поведения человека.

Ныне Выготский—общепризнанный классик российской психологии. По такому показателю, как индекс цитирования, он далеко превзошел наших психологов как на родине, так и за рубежом. Велик резонанс его идей во многих областях знания—культурологии, философии, дефектологии, искусствознании, психиатрии, семиотике, педагогике, этнографии. В психологии не было исследователя, равного ему по многообразию интересов и разработанных тем.

При исторической реконструкции творчества ученого большую ценность представляют свидетельства тех, кто с ним непосредственно работал. Автору этих строк посчастливилось в течение многих лет общаться с сподвижниками Выготского, с теми, кто участвовал в его новаторских проектах, знал о его замыслах, оценках, круге интересов и т.д. Я имею в виду Алексея Николаевича Леонтьева и Александра Романовича Лурия. Беседы с ними, а также участие совместно с ними в подготовке к изданию собрания сочинений Выготского позволили ощутить высоту полета мысли этой гениальной личности.

Вместе с тем годы совместной работы и повседневного общения со старшим другом и учителем своеобразно преломились в их образах сквозь призму собственных представлений и интересов. Приведу пример. Самый крупный и значительный психолог из окружения Выготского—Алексей Николаевич Леонтьев,—предваряя его собрание сочинений статьей "О творческом пути Л.С. Выготского" утверждал, что центральной категорией для марксистской философии должна стать предметная деятельность человека¹. Правда, констатирует Леонтьев, "сам термин предметная деятельность в его трудах не встречается, но таков объективный смысл его работ, таковы были и его субъективные замыслы". Я не могу ничего сказать по поводу субъективных замыслов Выготского. У историка нет других показаний, кроме текстов, попавших а архив науки. В текстах Выготского нет не только термина "предметная деятельность". В них отсутствует комплекс идей, соединенный Леонтьевым с этим термином. Более того, мы увидим, как разошлись на рубеже 30-х пути Выготского и Леонтьева именно из-за переориентации последнего на указанный комплекс идей. Мнимую

¹ А.Н.Леонтьев. "О творческом пути Л.С. Выготского". В кн.: Л.С.Выготский. Собр. соч. Т. 1. С. 41.

приверженность Л.С.Выготского категории предметной деятельности Леонтьев пояснил следующим образом: "Первой формой выражения этой категории в психологии была культурно-историческая теория Выготского"¹. Не было у Выготского такой теории. Хотя, если провести ассоциативный эксперимент, то именно этот термин, безусловно, окажется первой реакцией на имя Выготского. Пусть читатель обратится к предметному указателю к текстам любой из шести книг собрания сочинений Выготского: с термином "культурно-историческая теория" в этих текстах не встретится. В то же время Выготский решительно отказался от термина "марксистская психология" (см. ниже).

Отсутствие таких оборотов, как "предметная деятельность", "культурно-историческая теория", "марксистская психология"—это отнюдь не терминологические пробелы, при наличии "субъективных замыслов". Указанные обороты стали обиходными в советской психологии после Выготского, выражая теоретические ориентации его бывших сподвижников и учеников. Именно ими была создана версия о единой школе Выготского—Леонтьева—Лурия как особом направлении в советской психологии. Достоверность этой версии не выдерживает испытания фактами истории. Мы увидим вскоре, что поиски Выготским новой психологии имели собственный уникальный "маршрут". Задачу его реконструкции поставил перед собой автор этой книги. Адекватность же реконструкции реальности определяется исходными "метапсихологическими" установками, на которых здесь кратко остановлюсь.

Дело в том, что сами ученики Выготского, хотя и обсуждали с ним в свое время до мельчайших деталей в постоянных диалогах как глобальные, так и частные вопросы психологии (касались ли они методик исследования, добытых фактов или совместно читанных книг), не смогли осветить обстоятельств зарождения его идей, причин изменения его взглядов, динамики перехода к новым проблемам и т.п.—словом, всего того, что Г.Гельмгольц назвал "внутренней психологической историей науки", а В.Оствальд—"психографией"

1 Там же.

(описанием истории духовной жизни ученого). Ученики Выготского время от времени излагали его воззрения на различные психологические проблемы. Но их свидетельства о зарождении и развитии этих воззрений, определивших его особое место в мировой психологии, крайне скудны¹.

Так, в статье А.Н.Леонтьева и А.Р.Лурия "Из истории становления психологических взглядов Л.С.Выготского" читаем: "Группа молодых исследователей, возглавлявшаяся Выготским, взяла на себя смелость искать новые пути психологического исследования. Предпосылки для этого лежали, с одной стороны, в философии марксизма, которой Выготский владел более глубоко, чем другие психологи, в том числе и его сотрудники. С другой стороны, источником развиваемых им взглядов служили идеи, накопленные в ходе истории философии ее прогрессивными представителями"². При этом из числа "прогрессивных представителей" авторами указан всего один—францисканский монах XIII в. Роджер Бекон, которому принадлежал афоризм: "Ниглая рука, ни сам по себе взятый интеллект не многого стоят. Дело осуществляется орудиями и вспомогательными средствами". Этот афоризм трактуется как первоисточник одной из главных концепций Выготского—его "инструментальной психологии", согласно которой сознание создается посредством орудий и других экстрацеребральных (работающих вне мозга) "инструментов", прежде всего знаков. Удивительно тощей, при такой оценке, оказывается генеалогия творчества Выготского, которое, как мы увидим, имело глубокие и разветвленные корни в подпочве мировой науки. В одной из публикаций Леонтьев и Лурия, ретроспективно оценивая сотрудничество с Выготским, вспоминали о том, что поставленные их мэтром задачи "оставались совершенно не понятыми многими психологами, за исключением тех, которые так или иначе сотрудничали с Выготским"³.

Однако, обращаясь к изложению ими взглядов Выготского, приходится признать, что, несмотря на близость к Выготскому, и для этих

1 Будучи выдающимися и тонкими психологами, они, казалось, находясь в такой непосредственной близости к выдающейся личности, должны были лучше, чем кто-либо другой, запечатлеть и сохранить информацию о психологическом облике своего старшего друга.

2 Леонтьев А.Н., Лурия А.Р. Из истории становления психологических взглядов Л.С. Выготского // Вопросы психологии. 1976. № 6. С. 86.

3 Там же. С. 85—86.

крупных психологов многое в его историческом деле, в становлении его идей оставалось непонятым. Связано это не только с высотой полета его мысли, намного опередившей достигнутый к той эпохе уровень освоения истин, касающихся психической жизни. Для объяснения процесса производства знаний, его источников и способов организации, следует рассмотреть это знание под особым углом зрения. Привычная установка аппарата сознания (в том числе—научного), созданная его жизненной функцией, выражена в его "прикованности" к постигаемым объектам. Для научно-психологического сознания такими объектами выступают процессы поведения и внутреннего мира личности. Ими была занята группа Выготского (изучением психических феноменов, их отношений к мозгу, социальным контактам, двигательной активности организма и т.д.). Но чтобы превратить в предмет изучения историю и формы деятельности самой научной мысли, осваивавшей все эти феномены и их законы, нужны другие понятия, другой язык. Привычный язык психолога здесь не работает. Его следует перевести на язык истории, методологи, теории развития науки.

ЛИЧНОСТНЫЙ ВОЗРАСТ И ПРОБЛЕМА ПЕРЕЖИВАНИЯ

Проблема личности волновала Выготского задолго до того, как стала предметом специальной научной рефлексии, придавшей импульс переходу к новым идеям¹.

Их контуры намечались в рукописях и стенограммах лекций, служивших заготовками к задуманной Выготским книге по детской (возрастной) психологии (над которой он работал в 1932—1934 гг., параллельно с книгой о мышлении и речи). До того в пособии "Педагогика подростка" (1930) появилась глава "Динамика и структура личности подростка". В ней утверждалось, что "основным ядром слагающейся личности" служит "закон построения и развития высших психических функций"². Очевидная несводимость личности к отдельным функциям побуждала его протестовать против взгляда на сочетание этих функций как "пучок срезанных веток, поставленных в один сосуд"³. Этому противопоставлялось два уже знакомых нам понятия: о межфункциональных связях и о психологической системе. Однако он не удовлетворился видением в них эквивалента личности и искал новый

¹ К этой проблеме он обращался в юности в контексте размышлений о личности и ее предназначении в исторической жизни народа. В преддверии революции в студенческой среде центром споров являлся вопрос о грядущей роли русской интеллигенции. Выготскому в те времена близка позиция, выраженная в известном сборнике "Вехи", один из главных авторов и инициаторов издания которого М. О. Гершензон писал: "Деятельность сознания должна быть устремлена внутрь, на саму личность и должна быть свободна от всякой предвзятости, от всякой инородной тенденции, навязанной внешними задачами жизни" (Вехи. М.: 1909. С. 81).

² *Выготский Л. С. Собр. соч.* Т. 4. С. 221.

³ Там же. С. 129.

способ объяснения ее движущих сил, отличных от механизмов "вращивания" извне вовнутрь "культурных форм поведения". На перенесенный план он ставит "единый процесс саморазвития", "внутренние изменения самого развития", ибо "только переломы и повороты в его течении могут дать надежное основание для определения построения личности ребенка, которые мы называем возрастами"¹. Иначе говоря, постулировалась особая психическая причинность, понятая как реализация внутренней логики перехода от одного возраста к другому. При этом возраст получил особую истинно психологическую характеристику. Каждый из возрастных периодов—от младенчества до юности—выступал не в его "календарном" измерении самом по себе, а в качестве всякий раз новой формы взаимоотношений между психической организацией растущей личности и социальной ситуацией ее действий.

В те годы интересы психологов при диагностике развития вращались вокруг понятия об умственном возрасте, определяемом тестами на измерение "коэффициента интеллектуальности". У Выготского, который был прежде поглощен вопросами, касающимися интеллекта (формирования понятий, "партнерства" мышления и речи и др.), при обращении к психологической картине онтогенеза умственный возраст оказался на ее далекой периферии, в центре же выступил личностный возраст. Позиция Выготского противостояла двум другим воззрениям, утвердившимся в тогдашних теориях психического развития. Прежде всего, он отвергал теорию творческой эволюции, жизненного порыва, имманентной воли к самоутверждению и самосовершенствованию. В этом он, став марксистом, стоял на одной почве с другими советскими психологами и педагогами. Но он решительно расходился с ними в объяснении причин психического развития, из которых следовало, что роль главной движущей силы принадлежит окружающей социальной среде. Не потому, что он умалял значение социальности, но потому, что в этих концепциях ее детерминационное воздействие на сознание представлялось по типу внешней стимуляции.

Такой способ мышления имел своим архетипом механическую каузальность, методология которой направляла конкретную работу педагогов, их практику. Эта работа сводилась к выяснению вопросов, касающихся бытового обследования среды ребенка, где выясняется

1 Там же. С.247.

"кубатура жилплощади, есть ли у ребенка отдельная постель, сколько раз он ходит в баню, читают ли в семье газеты, какое образование у матери и отца"¹.

Выготский величайшую помеху усматривал в том, что при интерпретации роли среды она трактуется "как нечто внешнее по отношению к ребенку, как обстановка развития, как совокупность объективных, безотносительно к ребенку существующих и влияющих на него самим фактом существования условий"². Те, кто сводил развитие к взаимодействию биологических и внешнесоциальных факторов, не видели, что развитие представляет собой остросюжетную драму и в "драму развития вступает новое действующее лицо"³ — личность ребенка. В драматизме поведения Выготский, как мы знаем, усматривал решающий признак, отличающий человеческие формы поведения от животных. Драма означает столкновение, противодействие, конфликт характеров. Не безличностные, "бездушные" внешние обстоятельства, а имеющая свой "сценарий" взаимоориентация действующих лиц — такова социальная среда, в которой формируется ребенок как один из участников этой драмы, где разыгрывается несколько "актов", именуемых возрастными. В каждом из них Выготский стремился найти типичное новое качество психической жизни, возникающее в коллизиях отношений с другими людьми⁴. Особое значение он придавал переходам от одного возраста к другому, которым присущи конфликты и кризисы". Идея о внутренних закономерностях развития привела его к важному положению об оптимальных сроках обучения, в границах которого оно наиболее экономно и плодотворно.

Выготский детально проанализировал кризисы периода новорожденности, первого года, трех и семи лет. Проблема кризисов в развитии ребенка обсуждалась и в западной

1 Там же. С.381.

2 Там же. С.258.

3 Там же. С.238.

4 Основное внимание он уделит сотрудничеству ребенка со взрослым, приближающим его с помощью обучения и руководства к "идеальным формам". В то же время он рассмотрел вопрос о детских играх. В них он видел могучий фактор формирования высших аппаратов саморегуляции поведения и самоконтроля. "Ребенок... научается согласовывать и координировать свои действия и действия других... научается преодолевать непосредственный импульс и подчинять свою деятельность тому или иному игровому правилу" (там же, с.222). Эта коллективная форма поведения интериоризуется и становится индивидуальной волей. Сходные положения о роли "игры по правилам" в развитии личности выдвигал тогда же Д.Мид.

психологии, но их внутренний характер неизменно сводился к экзогенным, биологическим причинам.

Из этого следовало не только положение о том, что ребенок должен созреть для усвоения определенного уровня знаний и навыков, но также предостережение об опасности для нормального развития личности, если время упущено¹.

Такой подход к вопросу о соотношении психического развития и обучения (вытекавший из новых представлений Выготского, что детерминанты процесса развития скрыты в нем самом) являлся глубоко новаторским. Он противостоял бихевиористской теории о всемогуществе обучения, по которой поведение и мышление могут быть "изготовлены" по любым извне заданным программам для любого возраста, безотносительно к отличающему этот возраст от других его внутреннему психическому строю. Говоря об оптимальных периодах, Выготский не умалял детерминационную роль обучения, напротив, он подчеркивал, что ребенок развивается "в самом процессе обучения"², и связывал с этим имевшую большую эвристический потенциал гипотезу о зоне ближайшего развития.

Гипотеза сложилась в противовес царившим в то время в педологических кругах приемам определения психических способностей детей с помощью тестов, призванных, как уже говорилось, измерить "коэффициент интеллектуальности". Выготский относил эти приемы к ряду "нормативной возрастной диагностики", которой противопоставил диагностику клиническую. Первая фиксирует "созревшие процессы". Вторая—выявляет "область несозревших, но созревающих". Она неидентична у детей и очерчивается путем решения ребенком задач не самостоятельно (как в традиционных тестах), а в сотрудничестве со взрослыми. Благодаря этому возникает перспектива "изучить ситуацию" не вчерашнего дня, а дня завтрашнего... То, что сегодня ребенок умеет делать в сотрудничестве... завтра он становится способен выполнять самостоятельно"³. Понятие о "зоне" указывало на закономерности, касающиеся развития умственных способностей. Однако развитие ума—это еще не развитие личности.

В тестологии при определении уровня развития критерием служило решение интеллектуальных задач возрастающей степени трудности.

1 *Выготский Л.С. Собр.соч. Т.4. С.266.*

2 Там же.

3 Там же. С.264.

Между тем, как мы помним, именно в те годы Выготскому не давал покоя вопрос об интимной связи интеллекта и аффекта. Раздумья над ним побудили ввести в анализ отношений между мышлением и речью особую мотивационную переменную—смысл слова. Но на этом его поиски "клеточки" сознания не прервались. Занятия личностью¹ привели к новой единице. Теперь он утверждает, что *"действительной динамической единицей сознания, т.е. полной единицей, из которой складывается сознание, будет переживание"*².

Стало быть, переживание, во-первых, наиболее полная (сравнительно с другими) величина в структуре сознания, во-вторых, это динамическая, т.е. движущая поведением величина, и, наконец, в-третьих, в ней представлена личность в социальной ситуации ее развития. Этот новый термин закрепил идею системного характера взаимодействия личности и среды. Выготский отмечал, что он пришел к нему, следуя той же методологической стратегии, которую применил с целью выбраться из тупика, возникшего в психологии познания из-за того, что мышление как внутренняя деятельность субъекта было отделено от речи, реализуемой во внешних формах.

После этого любые попытки соединить изначально разъятое успеха принести не могли. Равным образом в трактовке личности психологи сперва разделили, возведя в ранг самостоятельных реалий, личность, с одной стороны, социальные условия ее бытия, с другой, а затем принялись за поиски их взаимосвязи. По Выготскому, в противовес этой противоестественной операции, следует с самого начала мыслить личность и среду как целостность, для обозначения которой им и был предложен термин "социальная ситуация развития".

Так же как и в проблеме мышления и речи, в проблеме личности и среды сказался особый когнитивный стиль творчества Выготского—его интегратизм (системность) в сочетании с генетическим подходом (ведь социальная ситуация есть ситуация развития). Этот стиль представлял собой своего рода инварианту исследований им различных проблем, касающихся как самой психической реальности (онтологический аспект), так и построения знаний о ней (методологический аспект).

1 Особое влияние на Выготского в этом плане оказала работа с так называемыми трудными или трудновоспитуемыми детьми, поскольку, как ему пришлось убедиться, их проблемы касаются не столько расстройств интелекта, сколько деформации личности.

2 Там же. С.383.

Говоря о стиле Выготского, следует иметь в виду, что сочетание принципов системности и развития позволило по-новому трактовать каузальность, придать ей диалектичность и драматизм.

Стремясь определить возрастные ступени с позиции психолога¹, Выготский полагал, что теоретически их осмыслить—значит найти "изменение личности ребенка как целого"².

Прежнее свое представление, согласно которому "речь в отношении социального пространства ребенка играет такую же роль, как ходьба в отношении физического", он теперь считает имеющим "весьма небольшую ценность"³.

Функция речи в процессе развития сознания ребенка не сбрасывалась со счета, но рассматривалась под новым углом зрения—как один из моментов целостного процесса. В первых детских речевых реакциях— "словах"⁴—выражено "аффективно-волютивное" содержание"⁵. Именно в этом содержании коренится то особое отношение личности к миру, которое выражено термином "переживание". За ним скрыты конфликты и кризисы развития. Внутренняя жизнь ребенка "связана м болезненными и мучительными переживаниями, с внутренними конфликтами"⁶.

Опять перед нами "психология в терминах драмы"—драмы внутренней, незримой для внешнего наблюдателя, перед глазами которого выступают лишь отдельные симптомы в виде капризов, упрямства, негативизма ребенка и других проявлений "трудновоспитуемости", с которыми сталкиваются взрослые. Описывая один возраст за другим, Выготский пытается определить в каждом из них своеобразие сферы переживаний.

1 Это значит, что характеристика возрастов должна исходить не из периодизации, заданной системой образования, а из "внутреннего расчленения самого развития" (там же, с.244).

2 Выготский Л.С. Собр.соч. Т.4. С.338.

3 Там же. С.339.

4 Они возникают в форме так называемой автономной речи.

5 Там же. С.335.

6 Там же. С.250.

Младенчество—это возраст господства "нерасчлененных переживаний, представляющих как бы сплав влечения, аффекта и ощущения"¹. Но тогда источник переживаний заключен в противоречии "между максимальной социальностью младенца и минимальными возможностями общения"². На ранних ступенях ребенок еще не знает своего Я. Крупным шагом, открывающим новую главу в становлении ребенка, является перестройка, связанная с осмысленной ориентировкой в собственных переживаниях. Возникает "обобщение переживаний или аффективное обобщение, логика чувств"³. В переживании интегрированы логика чувств и логика мысли, закономерно ведущие к смене возрастных "формаций". Она должна быть понята как самодвижение психологической системы личности⁴, но системы, в которую вовлечены и для которой поэтому не являются внешними как социальная среда, так и организм. Выготский не мог ничего сказать по поводу нейросубстрата логики мысли, но применительно к логике чувства считал неопровержимо доказанной нераздельность психического и телесного. "Не случайно аффективные функции обнаруживают непосредственную связь как с наиболее древними подкорковыми центрами, так и самыми новыми специфически человеческими областями мозга (лобными долями), развивающимися позднее всех. В этом факте находит анатомическое выражение то обстоятельство, что аффект есть альфа и омега, начальное и конечное звено, пролог и эпилог всего психического развития"⁵. Разве не очевидно, что такое указание было направлено против версии о "двух психологиях", которая отнесла переживание к сфере, где веет дух, свободный от телесных тягот?

1 Там же. С.277.

2 Там же. С.282.

3 Там же. С.379.

4 Следует обратить на то, что в этот последний период творчества Выготского понятие о психологической системе приобрело новое содержание. Если прежде под системой имелась в виду организация высших психических функций, то теперь роль системообразующего принципа психики человека передавалась переживанию.

5 Там же. С.296—297.

Термин "переживание" издавна применялся в описаниях душевных явлений. Его использовал Дильтей в своей концепции "понимающей" психологии, придав ему статус особой, непосредственной данной, интуитивно постигаемой жизненной целостности. Будучи всегдашним оппонентом Дильтея, Выготский соединил с этим термином иное содержание. "В переживании дана, с одной стороны, среда в ее отношении ко мне, с другой—особенность моей личности"¹. Утверждалось, что сила среды приобретает "направляющее значение благодаря переживанию ребенка. Это обязывает к глубокому внутреннему анализу переживаний ребенка, т.е. к изучению среды, которое переносится в значительной степени внутрь самого ребенка"². Положение о том, что возрастное развитие представляет собой историю переживаний, отличало концепцию Выготского от традиционного педологического подхода.

Через несколько лет Сталин разгромил педологию. Вряд ли случайно этот разгром произошел в 1936 г., в преддверии Большого террора, в атмосфере глобального подавления индивидуальности личности, запрета на самостоятельность мышления, расчета на воспитание новых поколений в духе идентификации с личностью вождя. Педолог был посредником между учителем и детьми, доставлявшим учителю информацию об их психическом складе и динамике формирования личности, служащей объектом педагогических воздействий.

Тем самым учитель приобретал возможность строить более адекватный, индивидуализированный образ своих питомцев, корректировать отношение к ним, опираясь на данные психодиагностики и других научных методик (клинических бесед, имевших психотерапевтическую направленность, лонгитюдных наблюдений, естественных экспериментов и др.).

Все эти методики изучения детей, изучения различий в их способностях, интересах, мотивации и других психологических свойствах попали в разряд лженаучных, классово враждебных, антимарксистских. С целью дискредитировать педологию используемые в ней психодиагностические методики связывались с неким "за-

1 Там же. С.383.

2 Там же.

коном" фаталистической обусловленности судьбы детей факторами наследственности и какой-то неизменной среды.

Декларировалось, что этот закон опровергается всей практикой социалистического строительства, "ликвидирующего пережитки капитализма в экономике и в сознании людей"¹.

О том, что вместе с "пережитками" шла ликвидация личностного начала в психологии тех, кому предназначалось служить "винтиками" грандиозной машины для рытья "котлованов" и попасть в многомиллионную армию рабов ГУЛага, сейчас хорошо известно. Политический смысл критики "педологических извращений", повлекших за собой изгнание из школы исследователей индивидуальных психологических различий детей, их личностных сложностей, заключается в том, чтобы культивировать в партийно-государственно управляемой школе стандартность мышления, обезличенность сознания и действия. Уничтожение целой научной области было бы неверно объяснять прихотью Сталина либо лично затронувшими его случайными обстоятельствами². В его злодеяниях всегда была определенная социально-политическая логика, и свои решения он "рационализировал" псевдо-теоретическими соображениями, призванными убедить, что они приняты во имя блага трудящихся, социализма³.

С ликвидацией педологии началось изобличение ее лидеров во всех грехах, набор которых был тогда в ходу. Крупный счет был выставлен и Выготскому. Наряду с идеализмом, раболопием перед

1 Столь примитивного взгляда на судьбы детей мы не найдем ни у одного из главных теоретиков педологии: П.П.Блонского, М.Я.Басова и, конечно же, Л.С.Выготского, теория которого, как отмечалось, базировалась на принципе активности личности ребенка, его саморазвития.

2 По воспоминаниям В.Е.Гмурмана, "погром педологов начался после низкой оценки, которую получили на основании тестов умственные способности Василия Сталина, тогда ученика 110-й московской школы" (см.: Леонтьев А.А. Л.С.Выготский. С.64).

3 Педологи, руководствуясь как тестами, так и многими другими показателями (оценками успеваемости, характеристиками учителей, длительным наблюдением за поведением и др.), направляли детей в случае дефектов в их умственном развитии, а также детей-невропатов в специальные школы. После постановления о педологии все эти школы были закрыты, у педологов отобраны дипломы. Сталинская пропаганда утверждала, что педологи оклеветали счастливое детство в стране социализма, где в принципе не может быть умственно отсталых и трудновоспитуемых.

западной психологией (в том числе фашистской) в его работах усматривалось "издевательство над нашей советской детворой" (имелись в виду его экспериментальные исследования по психологии онтогенеза). Никто, однако, не смог сказать главное—его высокогуманистический образ человека как личности, изначально движимый энергией свободного развития (точнее—саморазвития) по собственным внутренним законам, был полярен по отношению к тому, во что превращала человека социальная реальность. Концепция Выготского требовала *охраны* не только здоровья, но и *психического развития* детей, выраженного в динамике их основных переживаний (отличающих один личностный возраст от другого)¹.

Важность охраны здоровья детей, как физического, так и психического, декларировалась повсеместно. Выготский вносил в эту декларацию принципиально новый пункт. Речь шла об "охране развития", стало быть о необходимости беречь психику ребенка с точки зрения его личностного возраста, каждая из эпох которого имеет свой уникальный строй переживаний, свой драматизм. Игнорирование этого губительно для личности, судьба которой закладывается в детстве. Очевиден не только философско-психологический, но и социально-нравственный смысл теории Выготского, пронизанной чистой пробой гуманизмом. Этим же светом озарено разработанное им понятие о переживании, ставшее его последним словом в поисках интегральной схемы, исполненной драматизма организации и истории личности.

¹ В своих набросках теории возраста он решительно настаивал на том, что необходимы практические действия "по охране *развития* ребенка" (выделено нами.—М.Я.) (Собр.соч. Т.4. С.268).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Когда Выготский пришел в психологию, идейная атмосфера новой России была исполнена пафосом изменения поведения людей по законам точной экспериментальной науки. Именно на это претендовала рефлексология. Молодой Выготский проникся ее энтузиазмом. Но уже в своих первых попытках сомкнуть с ней дряхлую, отравленную субъективным методом психологию, чтобы влить в нее "свежую кровь" естественнонаучного знания, он видел уязвимые пункты рефлексологического направления. Из картины поведения устранялось сознание. Лидеры этого направления Бехтерев и Павлов вовсе не отрицали таинств субъективного мира. Павлов говорил о "муках сознания", о том, что оно есть первая реальность, с которой сталкивается человеческий ум. Но в рефлекторной схеме для сознания места не было. И Выготский усматривал в этом ущербность учения об условных рефлексах, которым был покорен как образцом каузального объяснения поведения.

У него зарождается собственный взгляд на отношение сознания к поведению, давший повод ему—бездвестному молодому учителю из провинции—обвинить с трибуны Всероссийского съезда исследователей поведения великого старца И.П.Павлова в дуализме—грехе, который сам Павлов числил за прежней наукой об организме и его высших функциях.

Подводя итог своей тридцатипятилетней работе по изучению высшей нервной деятельности, Павлов сказал, что испытывает радость по поводу того, "что вместе с Иваном Михайловичем (Сеченовым) и полком моих дорогих сотрудников мы приобрели для могучей власти физиологического исследования вместо половинчатого весь нераз-

дельно животный организм. И это целиком наша русская неоспоримая заслуга в мировой науке, в общей человеческой мысли"¹. Говоря о том, что под власть науки попал не половинчатый, как прежде, а "весь нераздельно" организм, Павлов имел в виду организм животного. Задача же, которая вдохновляла Выготского, заключалась в ином—в изучении не половинчатого, а целостного человека с тем, чтобы интегрировать телесные акты и сознание в единый предмет, осваиваемый посредством объективного метода и принципа детерминизма.

Выготский пользовался термином "драма развития". По существу же речь шла о драме саморазвития. Драма означала столкновение, противодействие, конфликт характеров. Не безличностные внешние обстоятельства, а имеющая свою "фабулу" динамическая система взаимоотношений, побуждений и действий—такова социальная "среда", в которой формируется личность как участник драмы. Выготский оставил первые наброски "драматической психологии", не решив вопрос о ее программе и методах. Но его идеи о психической причинности революционизировали научное мышление.

На предчеловеческом уровне означает, говоря сеченовским языком, "жизненные встречи со средой" с внешней реальностью (данной в психических образах, ощущениях, восприятиях, представлениях и т.д.). Но человеческий индивид, встречаясь с миром, оперирует, используя биологические ресурсы собственного организма, могучим органом—знаково-смысловыми системами, созданными историей культуры. Работа этого органа изменяет и индивидуальный нейросубстрат (головной мозг) и весь строй индивидуального сознания. Это сознание регулирует жизнедеятельность человека в мире, информируя об его свойствах и опытах овладения им. Эти сведения образуют сферу субъективного—внутрипсихическую организацию личности, сведения о которой извлекаются благодаря самонаблюдению, интроспекции. Данные самонаблюдения и стали основным материалом психологии на заре ее становления как особой науки. И действительно, никакая другая наука не занимается изучением этих данных. Но такую психологию Выготский назвал "поверхностной", указывая, что фрейдизм устремился от нее "вниз"—в глубины бессознательного, тогда как следовало бы идти "вверх" к ассимилируемым личностью смыслам, заложенным в культуре. Но в обоих случаях—и в движении к незримым, скрытым в организме влечениям, и в движении к "над-

1 Павлов И.П. Полн. собр. соч. Т.1. 1951. С.14.

сознательно" правящим духовной жизнью индивида историческим реалиям культуры, например, к языку как "органу, образующему мысль" (Потебня) в качестве первой задачи новой психологии выступило разрушение ее давнишней, казавшейся незыблемой догмы о том, что "в сознании явление равно бытию". Именно во имя этой догмы был отвергнут объективный метод (требовавший выйти за пределы свидетельств сознания к реальному контексту жизни личности), а великий принцип детерминизма выступил в образе "замкнутого каузального ряда", где самостоятельное причинное значение психических процессов виделось в том, что они, будучи обусловлены психическими же, в свою очередь, их порождают. Это убеждение следовало из версии, согласно которой факт сознания равен тому, что непосредственно испытывается субъектом. Между тем, содержание этого факта несет информацию об окружающих человека вещах и о непосредственно испытываемой индивидом реакции на них, но не об органах, производящих эту информацию. Осознавая предмет и реакцию на него, субъект из чувственного или умственного образа, данного в самонаблюдении, не может извлечь никаких сведений о нервных аппаратах, строящих этот образ. Но в равной степени этот образ не говорит и о формирующих его социокультурных факторах, которые действуя за пределами "внутреннего взора" (самонаблюдения) индивида определяют видимую им картину мира и способ поведения в нем. Ни об одних (мозговых), ни о других (социокультурных) детерминантах психических структур наблюдение за собственным сознанием ничего не говорит. Для рассказа о них нужен другой язык. Его—сознания—истинная причинная роль обнажается не иначе как при объективном анализе истории его развития в качестве имеющей собственную онтологию психосферы (термин Н.Н.Ланге), вписанной в биосферу и социосферу в нераздельности и неслиянности всех трех сфер.

Выготский цитировал Энгельса, писавшего, что "первые, выделившиеся из животного царства люди, были во всем существенном так же несвободны, как и сами животные; но каждый шаг вперед по пути культуры был шагом к свободе"¹. Тем самым нарастание свободы человеческих поступков выступало как продукт истории культуры. Формы поведения, которые отличаются сознательностью, произвольностью, согласно Выготскому, и есть шаги вперед по пути культуры и потому к свободе. Но как соединить необходимость и свободное про-

1 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.20. С.116.

извольное действие? Без первого нет науки, без второго—родового признака человека. Выготский рассчитывал справиться с этой коллизией, исследуя историю поведения. Энгельс говорил о преодолении несвободы (роковой зависимости от внешних сил) как векторе движения человечества по пути созидания культуры. Он мыслил в масштабах истории рода.

Выготский спустился с высот филогенеза на почву открытых взору экспериментатора драматических коллизий онтогенеза. Сюда он привнес указанные Энгельсом признаки: историзм и роль культуры. Это обусловило его новаторство в трактовке психической причинности. Оно заключалось в том, что с неопределенностью он сомкнул историзм (как личностно психическое развитие, отличное от биологического). Новый методологический подход требовал адекватного конкретно-психологического метода. Выготский назвал его каузально-генетическим. История поведения ребенка—имеющий свою внутреннюю логику, но не спонтанный процесс. Он входит в культуру посредством другого человека. Во всех прежних концепциях произвольности (свободного действия) за изначальное принимались имманентные силы индивидуальной души. По Выготскому, поведение ребенка становится произвольным в социальной ситуации развития. Выготский вначале доказал это в опытах по изучению того, как возникает у ребенка произвольное внимание¹.

Это была проба истолкования произвольного акта субъекта на основе каузально-генетического метода и идеи психической причинности. Все прежние пробы являлись редуционистскими. Они объясняли внимание действием либо физиологических, либо социальных причин.

Еще раз подчеркнем своеобразие трактовки Выготским принципа психической причинности. Она не противопоставлялась ни физиологическим факторам (в частности, при объяснении внимания он использовал учение Ухтомского о доминанте), ни социальным (в частности, применительно к вниманию Выготский ссылаясь на Рибо, который "был, кажется, первым психологом, который рассматривал произвольное внимание как продукт культурного исторического развития человечества".— Там же, с. 396). Но и физиологическое, и социальное в концепции Выготского о психической причинности было представлено "в снятом виде", ибо эта форма причинности выделялась им в качестве отличной от других, имеющей не сводимые к другим признаки.

Вслед за вниманием он сосредоточил экспериментальную работу на условиях приобретения такого признака, как произвольность, други-

1 В 1929 г. в статье "Развитие высших форм внимания в детском возрасте" (Выготский Л. С. Избранные психологические исследования. М.: 1956. С. 391).

ми психическими функциями, главным образом памятью и мышлением. Эта программа, методологию которой составила конвергенция принципов психической причинности и развития, исполнялась им совместно с группой учеников. Открытие особого типа развития психических явлений, отличного от закономерностей, установленных Дарвиным в отношении биологической эволюции, Павловым—воспитания условного рефлекса определило новаторство Выготского. В довлевшей над исследованиями человека версии о "двух психологиях" Выготский видел главный барьер к серьезному знанию о нем, способному стать вровень с другими науками, которым присущи предсказание явлений и власть над ними. Версия о "двух психологиях", к критике которой неоднократно возвращался Выготский, получила наиболее резкое выражение в противопоставлении психологии объяснительной (детерминистской) и описательной (интенциональной, феноменологической).

Их родство Выготский убедительно показал на примере того, как они трактуют проблему эмоций, аффектов и тем самым побудительной энергии личности. С одной стороны (в объяснительной психологии)—телесный механизм, не знающий ни смысла, ни духовности, с другой (в описательной психологии)—чистая духовность, не знающая телесности и потому целостного реального человека, действующего в реальном мире.

Жизнь человека как земного существа оказывалась абсолютно бессмысленной, не имеющей ни цели, ни ценности, а его высшие чувства—абсолютно безжизненными. "... Чтобы сохранить жизнь чувства, мы должны отказаться от его смысла... чтобы сохранить переживание, его смысл, мы должны отказаться от жизни. В обоих случаях мы одинаково должны отказаться от всякой надежды когда-либо научно постигнуть человека и настоящее значение его внутренней жизни"¹.

Последней репликой в пьесе А.П.Чехова "Вишневый сад" были слова старого слуги, забытого в заколочиваемом доме: "Про меня забыли ...". "То, что произошло в современной психологии эмоций, может быть лучше всего выражено безнадежным возгласом одного из

Выготский Л.С. Собр.соч. Т.6. С.288.

героев чеховской драмы—дряхлого старика, оставленного в покинутом доме, в котором заколачивают окна: "Человека забыли"¹.

В 1960-х гг. на Западе двум главным и сильным детерминистским направлениям в психологии—бихевиоризму и фрейдизму—противопоставила себя особая "третья сила", выступившая под именем гуманистической психологии. Она отвергла каузальность, объявив ее опасным для психологии объяснительным принципом, делающей ее беспомощной перед человеком как открытой целостной системой, в переживаниях и действиях которой доминирует не приспособление к внешним условиям существования, а самоактуализация конструктивного, творческого начала. Задолго до этого направления родилась концепция Выготского, пронизанная чистой пробой гуманизмом². Но именно потому, что он мыслил психологию гуманистически ориентированной, призванной средствами науки решать самые жизненные проблемы человека, он настаивал на необходимости утвердить в ней принципы психической причинности (но в той особой трактовке, о которой шла речь), а не уйти в описание и типологию переживаний, беллетристику и феноменологический анализ. Психологии будущего, предрекал Выготский, предстоит преодолеть то отщепление жизни человеческого организма от смысла, от духовных ценностей, из-за которого прежняя объяснительная психология "забыла человека". Но ей надлежит также преодолеть отщепление духовных ценностей и смысла от реальной телесной жизни, из-за которой интенциональная "понимающая" психология, в свою очередь, "забыла человека".

Взглянув с позиции Выготского на нынешнюю гуманистическую психологию, нетрудно оценить ее как причастную к тому же типу систем, которые, подобно внешне противостоящим им детерминистским концепциям, "забыли человека".

Выготский пришел из искусства в науку с верой в ее способность "переплавить" личность. Отсюда и взгляд на психологическое познание как призванное придать наукоемкость практике воспитания и обучения. Бескомпромиссная установка на гуманизацию психологии (в противовес ее "зоологизации", когда психика животных и человека трактовалась рефлексологией, бихевиоризмом, гештальтизмом и

1 Там же. С.264.

2 В советской психологии 1970—80-х гг. наблюдалась "мода" на гуманистическую психологию в ее западном варианте. Традиции Выготского оказались забытыми.

путями школами в одних и тех же категориях) имела для него смысл только научного императива—необходимости изучать специфичные и человеческие формы поведения.

В творчестве Выготского выделяется несколько этапов, каждый из которых запечатлел не только стремительный динамизм его интеллекта, но и быстрые изменения социокультурной ситуации, повлиявшие на осмысление им значимости марксизма для построения новой психологии, адекватной собственной внутренней логике ее развития. Мы делим несколько соотнесенных с марксизмом направлений его поисков: обращение к аналитическому методу "Капитала", изобретение психологических орудий, проект психологии в терминах драмы, исторический подход, требовавший изучить развитие сознания в философии. Ни одно из них не привело к целостной системе. Не была найдена "клеточка" сознания, которая интегрировала бы его многогранную структуру; трактовка психологических орудий как знаков (с тождеством двойной стимуляции) попала под огонь идеологической критики и выдана за плагиат у "буржуазного" философа Э.Кассирера; психология в терминах драмы угасла в зародыше; культурно-историческая концепция попала в разряд немарксистских, а попытка изучить в эксперименте изменения в строе сознания людей под влиянием ритуалов в культуре (на примере среднеазиатского региона) кончилась неудачно, опять-таки будучи заклеяна как идеологически вредная. Вместе с тем уроки у Маркса, обретенные благодаря этому новым психологическим принципам, прежде всего принципа социодетерминизма, вдохновили его на теоретические инновации.

Различая внешние и внутренние факторы развития науки, Выготский относил материалистические или идеалистические влияния к ряду первых.

"Внешние факторы толкают психологию по пути ее развития... могут ускорить или замедлить этот ход ..., но не могут ни отменить в вековую работу, ни перескочить на век вперед ... Есть известный исторический рост логической структуры знания"¹. Поэтому и марксизм как внешний фактор представлялся Выготскому имеющим для психологии эвристическую ценность в тех пределах, в каких он способен содействовать росту ее собственной внутренней логической структуры знания.

¹Выготский Л.С. Собр.соч. 1982. Т.1. С.422.

Очевидна несовместимость этого воззрения с установкой—от Корнилова до Леонтьева—на создание особой марксистской психологии, которой предстоит стать высшим этапом в мировой науке¹.

Концепцию Выготского принято называть культурно-исторической. Но, по моему мнению, это обозначение неадекватно ее реальному смыслу. Вопрос о многообразии различных культур их исторической судьбе, как рассказывал мне друг юности Выготского С.Ф.Добкин, уже в гимназические годы волновало жившего в черте оседлости будущего ученого. Когда он переехал в Москву, то на некоторое время его обителью стала комнатка в подвале Института психологии. Там он случайно обнаружил сваленные в кучу материалы семинара по этнопсихологии, проведенного Г.Г.Шпетом. С увлечением изучал он эти материалы, размышляя о различии наций, их культур и характеров. Эта проблематика, вставшая перед умственным взором Выготского, не могла получить развитие в идейном климате тоталитарного государства, имперская политика которого была устремлена (под покровом формул о сближении наций и об их единой по одержанию социалистической культуре) на унификацию всей палитры культурных инвариантов.

Соответственно ставился прочный,—на десятилетия,—идеологический барьер на пути изучения психологического аспекта таких тем, как общество и культура, личность и культура. К тому же мысль Выготского о представленности культуры в знаково-символических формах была воспринята догматиками как выпад против ленинской теории отражения, согласно которой вводить всякого рода знаки, символы, иероглифы могут только агностики.

Ментальность сталинизма отличает мышление комплексами. Комплекс образует сцепление таких звеньев, как научная концепция—философская подоплека—идеологический смысл—прямая политическая направленность. Сталинская великодержавная национальная политика (при всех иезуитских рассуждениях о национальной форме культуры), ленинский подозрительный взгляд на гносеологическую функцию знака и представление Выготского о культурной эволюции

¹ "Мы все понимали,—писал А.Н.Леонтьев в 1975 г.,—что марксистская психология—это не отдельное направление, не школа, новый исторический этап, олицетворяющий собой начало подлинно научной, последовательно материалистической психологии". (А.Н.Леонтьев. Деятельность. Сознание. Личность. М.:1975. С.5). Выготскому так же понимание было чуждо.

знаков как психологических орудий сливались в нечто еретическое, неприемлемое для советской идеологии. В этой атмосфере становилась невозможной консолидация замыслов Выготского в специальную культурно-историческую теорию. Следы замыслов просматриваются в его отдельных экскурсах в область филогенеза сознания. Оставив это направление, он обратился к онтогенезу. Конечно, и детство определяется как сменой формаций в историческом развитии общества, так и различием культур, в которых складываются поведение и личность ребенка. Но в этом плане ни Культура, ни История не представлены в исследованиях школы Выготского, хотя она и поныне носит титул культурно-исторической. Ведь в ней психические процессы рассматриваются вне их обусловленности данной конкретно-исторической эпохой и вне динамики изменений, претерпеваемых ими в различных культурах.

Трактуя психическую причинность в качестве отличной от биологической и социальной, Выготский разрывал пути прежних учений о детерминации сознания, ставивших его в зависимость от внешних по отношению к нему влияний со стороны общества и (или) организма. Это вовсе не означало возврат к Вундту, полагавшему, что суверенность психологии достижима не иначе как при условии локализации явлений сознания в замкнутом причинном ряду, где одно из этих бестелесных и асоциальных явлений определяет другое. Каждая из "клеточек" сознания является и психосоциальной и психотелесной. Важным достижением его мысли при отстаивании психической причинности стало преодоление (неосознанной, но практически направлявшей каузальные объяснения психологов) установки на такую трактовку внешних влияний на сознание, которая была почерпнута в представлениях о том, что взаимодействие организма (функцией которого являются психические проявления) с внешней средой совершается на началах, по которым в природе сталкиваются материальные тела. Подобная трактовка привела к широко распространенной версии о конвергенции средовых и наследственных факторов в развитии личности. Для Выготского же психическая причинность означала нечто иное. Обращение к понятию о драме позволило перейти от каузально-механического представления о влиянии среды на сознание индивида к системному объяснению социальной ситуации развития, которую образуют поступки и сопряженные с ними переживания действующих лиц. Драма выступила как саморазвивающаяся система, детерминанты которой скрыты в ней самой. Иссле-

дования Выготского сосредоточились на анализе орудийной роли знаково-смысловых систем (какими они представлены в "работающем" слове и его аналогах), как факторов построения сознания, но сознание со времен юности понималось им как сознание личности, вопрос о постижении судьбы которой в здешнем мире—будь то средствами искусства, религии или науки—оставался для него (мотивирующим) началом всех начал.

С личностью издавна коррелировало понятие о переживании. Применительно же к межличностным отношениям Выготский вводит в значении их парафраза понятие о драме. Не сама по себе членораздельная речь, в которой, как известно, еще Аристотель видел решающее отличие человеческой души от животной, а "драматизация" и сопряженные с ней переживания личности выступают в горизонте видения Выготским в роли факторов, придающих, наряду со словом, психике человека особое место в известной нам Вселенной. В поисках путей изучения жизнедеятельности целостного человеческого организма в единстве ее телесных и духовных проявлений Выготский подверг критике павловско-бехтеревскую рефлексологию как изначально дуалистическую. Но дуализм пронизал и саму психологию, где образовался разрыв между изучением элементарных функций (соотнесенных с данными физиологии) и функций высшего порядка (соотнесенных с данными наук о культуре). Этот разрыв считал неотвратимым В. Дильтей в своей концепции "двух психологий": каузальной, которая с помощью объективного метода рассматривает зависимость фактов сознания от телесных причин, и телеологической, изучающей устремленность личности к высшим духовным целям и ценностям. Только для второй открыто самое сокровенное в человеке, мир его переживаний, постигаемый уникальными методами понимания, интуитивного постижения, описания. Дильтей предложил формулу "Шекспир в понятиях", отмечая, что в трагедиях великого драматурга больше правды о человеке, чем во всех учебниках психологии вместе взятых.

Решительно отвергая этот проект, Выготский подчеркивал, что цель научной психологии "не Шекспир в понятиях как для Дильтея..., но психотехника в одном слове, т.е. научная теория, которая привела бы к подчинению и овладению психикой, к искусственному управлению поведением"¹. Выготский отчетливо видел, что формула "Шекспир в понятиях" отсекает от тела науки ее главный жизненный нерв—

¹ *Выготский Л.С. Собр. соч. 1982. Т.1. С.389.*

принцип детерминизма. Но тогда психология лишалась перспектив обоснования программ, способных изменять деятельность людей. Ведь "нарисованную корову нельзя доить", повторял Выготский за Вильямом Штерном.

Признавая принцип каузальности аксиоматическим также и для психологии как науки (а не беллетристики), он рассчитывал наполнить его содержанием, способным раскрыть нередуцируемость психических причин (и адекватного им способа объяснения явлений) ни к биологическим, ни к социально духовным. Чтобы справиться с этой задачей требовалось выйти за пределы контраверсы причинного объяснения (сводившего психику к телесной механике) и телеологического понимания (как описания высших ценностных ориентаций и переживаний) вокруг которого веками вращалась философско-психологическая мысль.

Выготский проследил судьбы этой контраверсы от Сократа и Декарта до Э.Шпрангера и М.Шеллера.

Отстаивая преимущества "понимающей" телеологической психологии перед психологией "объяснительной", натуралистической, последователь Дильтея Эдуард Шпрангер напомнил о диалоге Платона "Федон". В нем излагалась полемика Сократа с Анаксагором, которую Шпрангер назвал "сократовским парадоксом". Прежде чем принять яд, великий мудрец, если верить Платону, оспаривал философскую концепцию Анаксагора, которой некогда, будучи обвинен в безбожии, бежал из Афин. Сократ, вопреки настояниям друзей, отказался поступать таким же образом. Находясь в "пограничной ситуации" перед лицом смерти он размышлял не о личной судьбе, но о глобальной проблеме: о причинах, которые правят человеческим поведением. Сократ рассказывал, как в молодости с великим рвением принялся за книги Анаксагора, чтобы "поскорее их прочесть и поскорее узнать, что же всего лучше и что хуже"¹.

Разочарование—продолжал Сократ, беседуя в темнице со своими учениками, постигло его, когда вчитавшись в анаксагоровы тексты, убедился, что у него "порядок вещей приписывается совершенно нелепо—воздуху, эфиру, воде и многому иному". Руководит ли моими действиями,—размышлял Сократ,—устройство тела ("кости свобод-

¹ Платон. Федон, 97В.

но ходят в своих суставах, сухожилия, растягиваясь и напрягаясь, позволяют Сократу сгибать руки и ноги. Вот по этой-то причине он и сидит теперь здесь согнувшись" ¹, или мной движет иное начало—мнение о лучшем, мнение, которое диктует мне не бежать из тюрьмы, не скрываться, а подчиниться тому, что "назначило государство". "Да, клянусь собакой,—воскликнул Сократ,—эти жилы и эти кости уже давно, я думаю, были где-нибудь в Мегарах или в Беотии, увлеченные ложным мнением о лучшем" ². По Шпрангеру "сократовским парадоксом" раз и навсегда опровергнута правомерность такого объяснения поступков человека, которое апеллирует к его телесной организации.

Поставленный в платоновском "Федоне" вопрос о том, почему Сократ остался в афинской тюрьме, Выготский считал прототипом основных проблем современной психологии. Но здесь,—подчеркивал он,—не могут удовлетворить научную мысль ни описательная (телеологическая) концепция, ни объяснительная (каузальная). На этот вопрос "теория Джемса-Ланге отвечает ссылкой на растяжение и расслабление мускулов, сгибающих члены, а теория Шеллера—указанием на то, что пребывание в темнице имело целью удовлетворить высшее чувство ценности. И то, и другое одинаково далеко от действительно научного ответа на вопрос" ³. Ведь если бы Сократ не остался в тюрьме, а бежал из нее, то и в этом случае его решение носило бы целевой и ценностный характер. "Ни натуралистическая, ни интенциональная теория не обращают внимания на истинную причину" ⁴. Справился ли Выготский с "сократовым парадоксом"? Готового ответа в его текстах нет. В них сохранились лишь следы направленности поиска. Прежде всего, отклонялась исходная альтернатива поступка: либо устройство организма, либо нравственное понятие ("мнение о лучшем"). Ведь сам образ организма решительно менялся после того, как его телесная работа выступала в виде продукта предшествующего опыта его жизненных встреч со средой—условно-рефлекторных (по Павлову), семиотических (по Выготскому).

Уже у животных можно выработать положительную реакцию на раздражитель, грозящий телу гибелью, как об этом говорил эксперимент одной из павловских учениц, наблюдая который Шеррингтон

1 Там же.

2 Там же.

3 *Выготский Л.С. Собр.соч. Т.6. С.286.*

4 *Цит. соч.*

воскликнул, что отныне ему понятна радость христианских мучеников. Понятия же, на которые ориентируется человек (в том числе— нравственные), в свою очередь, являются результатом его формирования в тигле социальной практики. Поэтому решения и действия личности следует принимать не за начальные, но за конечные звенья сложного каузального ряда, уходящего вглубь имеющей драматическую историю системы. Притом целостной системы личности, где психическое и соматическое нераздельны, а поступки социально ориентированы. Ведь своим выбором Сократ рассчитывал преподать нравственный урок окржавшим его ученикам с тем, чтобы самой высокой ценой— ценой жизни доказать неправоту теоретической схемы Анаксагора.

Слово как материал художественного мышления будучи вовлечено в коллизии драмы обретает признаки, неведомые филологии. В свою очередь эти признаки в контексте научно-психологического мышления становятся у Выготского средством перехода от каузального представления о влиянии биологических и социокультурных факторов на (отдельного) индивида к системному объяснению социальной ситуации (подобной сценарию драмы), где индивид взаимодействует с другими. Как и в драме это взаимодействие диалогично.

Принцип диалогизма получил, как известно, фундаментальное обоснование у М.М.Бахтина¹. Но для него центром анализа как искусства, так и личности служило сознание человека, а не человек во всей полноте его телесно-духовного бытия. В своих воззрениях на проблему "Я и другой" Бахтин отстаивал полноправие и полноценность моего и чужого сознания, данных только диалогически ("на границе", "на пороге", а "не внутри"). Но сознание, каким бы живым и диалогичным оно не трактовалось— это не единственное "измерение" человеческой личности. С первых же страниц своей книги "Мышление и речь" Выготский предупреждал: "Кто оторвал мышле-

1 Версия о влиянии Бахтина на Выготского, которую принимают за достоверную многие авторы (в частности Л.А.Радзиховский— см. цит. соч.), ничем не доказана. В бахтинском кружке была известна статья Выготского "Сознание как проблема психологии поведения", о чем говорит ее цитирование в книге В.Н.Волошикова "Фрейдизм" (М.—Л.: 1927. С.31—32), основное содержание которой считается принадлежащим М.М.Бахтину. Выготский в ней трактуется как бихевиорист, на том основании, что он применительно к речи говорил о "вербальном поведении".

ние с самого начала от аффекта, тот навсегда закрыл себе дорогу к объяснению причин самого мышления, потому что детерминистский анализ самого мышления предполагает вскрытие движущих мотивов мысли, потребностей и интересов, побуждение и тенденций, которые направляют движение мысли в ту или другую сторону¹.

Следует заметить, что Бахтин, поставив проблему "тела (человеческого организма) как ценности", строго отграничил ее "от естественнонаучной точки зрения, от биологической проблемы отношения психологического и телесного"². Такой подход для Выготского был неприемлем, ибо таил опасность расщепления смысла (относимого к активности сознания) и жизни (представленной деятельностью организма). Хотя бы и в аксеологическом плане (в который поворачивал проблему "ценности тела" Бахтин), но выходило, что для того чтобы "сохранить смысл мы должны отказаться от жизни".

Как большой мастер, Выготский был "вечный заложник у времени в плену". Он мужественно нес тяготы этого плена, хотя дышать становилось все труднее. Он сознавал историческую ограниченность своего дела. Остро ощущал его незавершенность.

"Овладеть правдой о личности и самой личностью, — писал он, — нельзя, пока человечество не овладело правдой об обществе и самим обществом. Напротив, в новом обществе наша наука станет в центре жизни. "Прыжок из царства необходимости в царство свободы" неизбежно поставит на очередь вопрос об овладении нашим собственным существом, о подчинении его себе... В будущем обществе психология действительно будет наукой о новом человеке. Без этого перспектива марксизма и истории науки была бы не полна."³

Оставляя без внимания гуманистическую установку Выготского, невозможно понять глубинный смысл его приверженности марксизму, которую принято ограничивать опорой на идею социальной обусловленности психики, стремлением использовать модель трудового действия для разработки знаково-орудийной концепции поведения и т.д. Это верно, но недостаточно, чтобы понять высшие, последние мотивы обращения Выготского к марксизму, в котором он искал пу-

1 *Выготский Л.С. Собр.соч. Т.2. С.24.*

2 *Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: 1979. С.44.*

3 *Выготский Л.С. Собр.соч. Т.1. С.436.*

теводную нить к осмыслению исторической судьбы личности и особого общечеловеческого предназначения психологии как науки.

Перспектива появления нового свободного человека и обретения научной мыслью независимости от идеологических догм становилась все более призрачной. Нарастающий гнет этих догм отравлял его творчество. Разительное несоответствие его видения марксизма официальной идеологии и реальной социальной практике не могло не пробудить "гамлстовский" вопрос: "Быть или не быть адекватной марксизму психологии?" Тот вариант позитивного ответа на этот вопрос, который он выстрадал, был отвергнут доктринерами, присвоившими себе право на суд и расправу, диктовавшими, как читать Маркса. В этом духовном вакууме он жить не мог. О нем можно сказать подобно сказанному о гениальном русском поэте, погибшем в возрасте Выготского: его убило отсутствие воздуха¹.

Выготский был выдающимся генератором проблем. Это придает его мысли не реликтовый характер, устремленность к будущей психологии. В системе трех координат: личность (как телесно-духовное существо)—общение (сотрудничество, драматизм)—культура (знаково-смысловые системы и способы оперирования ими)—сложилась категориальная матрица проектов и исследовательских программ Выготского. Она и определила его уникальное положение в психологии XX столетия. Мы видели проекты, которые он оставил, программы, которые были исчерпаны. Но выработанная им категориальная матрица сохраняет эвристическую ценность, питая энергию новых поисков.

Перед читателями прошла серия этюдов о поисках Выготским новой психологии. Многие из того, что он продумал и открыл, оставлено за кадром, поскольку эффективнее, чем в пересказе, может быть постигнуто в прямом общении с его текстами. Без опоры на знание этих текстов неразличим тот угол зрения, под которым их читал автор, задавая им свои историологические вопросы.

Рчская быть навязчивым, напомню об этих вопросах.

¹ Известное высказывание Блока о Пушкине, которое можно отнести и к самому Блоку.

Ключом для Выготского в его анализе науки служил постулат о том, что за спиной отдельных деятелей исторического процесса действуют "с силой стальной пружины" объективные законы. По их велению, а не по прихоти героев этого процесса, рождаются и гибнут, возвышаются и сменяются друг друга проблемы и концепции, школы и направления. Эту установку, на которую ориентировался Выготский, стремясь понять судьбу психологических идей, следует обратить к его собственному творчеству.

Законы динамики этих идей уникальны и не могут стоять в одном ряду с изучаемыми науками о природе, обществе и психике. Сколь глубоки и объемны не были бы психологические теории о структуре мышления и закономерностях его развития, они бессильны пролить свет на генезис и смену самих этих теорий, как продуктов интеллектуальной деятельности их творцов.

Здесь нужна другая теоретическая модель, на путях построения которой автором выделены некоторые пункты. Это, прежде всего, рассмотрение траектории движения научной мысли в системе трех координат: историологической, соционаучной и личностной.

Первая из них представлена в эволюции категорий как инвариант научного познания. В качестве предельных понятий они образуют "блочную" конструкцию любых научно-психологических концепций, скрытую за покровом тех понятий и схем, которыми они оперируют.

Категории—это содержательные формы мысли, рабочие "органы" построения исследовательских программ. Находясь на определенной стадии исторического развития, они зависят от уровня, которого достигли объяснительные принципы науки. Важнейший из них—принцип детерминизма (причинности, каузальности).

Разработка особой формы причинности—*психической*, в качестве отличной от физикалистской, биологической и социальной, определила историологический вклад Выготского.

Здесь уместен малый самоотчет автора. Вопрос о детерминации психического стал в советской психологии предметом злосчастных дискуссий в период 40-х годов. А.Н. Леонтьев всмотрел порок книги С.Л. Рубинштейна "Основы общей психологии" в приверженности автора концепции "двойной детерминации" (психика детерминируется как мозгом, так и отражаемым им внешним миром). С.Л. Рубинштейн в дальнейшем предложил следующую, ставшую весьма популярной формулу: "Согласно диалектико-материалистическому

детерминизму всякое действие есть взаимодействие, внешние причины действуют посредством внутренних условий"¹.

Но А.Н. Леонтьева эта формула не устроила. "Мне представляется, — писал он, — что для того, чтобы найти подход к проблеме, следует с самого начала обернуть исходный тезис: внутреннее (субъект) действует через внешнее и этим само себя изменяет"².

На мой взгляд, обе формулы в силу своей всеобщности, не содержат решений, способных продвинуть конкретное изучение особого уникального типа детерминации психических явлений сравнительно с другими явлениями бытия. Следуя "презумпции каузальности" (научное знание — это знание объективных, контролируемых опытом и логическим анализом причин) автор этих строк предпринял попытку проследить зарождение и развитие детерминистских идей в психофизиологии в своей остроумной монографии "Проблема детерминизма в психофизиологии XIX века" (Душанбе, 1961). Затем, следуя представлению о том, что принцип детерминизма не является одним и тем же на все времена (будь то "внешнее через внутреннее" либо "внутреннее через внешнее"), он в книге "История психологии" (1-е изд. М., 1966) наметил стадии в логике перехода от одной формы детерминационных отношений к другой, а именно — предметную, механическую, обидебиологическую, биопсихическую, социопсихическую.

Как видит читатель, психический детерминизм не выделен в особую форму, несводимую к другим. Однако, в дальнейшем, прослеживая генезис и развитие категорий в историческом опыте науки (в книге "Психология в XX столетии", 1-е изд. 1971 г.) автор трактовал категории как несводимые к другим и невыводимые из других понятия, открывающие психическую реальность как реальность *suī generis*. Служба представленных в категориях (психического образа, психического действия, мотивации и др.) реалий задана тем, чтобы служить детерминантами общения живых существ с их миром. В них и представлена психическая причинность.

"Сетка" (система) категорий находится на различных уровнях развития. Говоря метафорически, она подобна имеющей свою историю сетчатой оболочке глаза, от устройства и работы которой зависит видение реальности на различную глубину и с различной детализо-

1 С.Л. Рубинштейн. Принципы и пути развития психологии. М., 1959, с. 12.

2 А.Н. Леонтьев. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975, с. 181.

ванностью. По тем преобразованиям, которые создает в этой "сетке" теоретико-экспериментальная активность отдельных исследователей, следует оценивать их персональную миссию.

Первую главу в летопись детерминистской психологии вписало механистическое естествознание XVII века. Ему психология обязана такими фундаментальными концепциями, как причинная теория ощущений (ощущение—это эффект воздействия внешнего физического стимула на орган чувств), рефлекторная теория произвольного движения (рефлекс—это отражение внешнего толчка от мозга к мышцам), ассоциативная теория памяти и мышления (если два впечатления испытываются организмом одновременно, то впоследствии появление одного из них восстанавливает по инерции следы другого), теория эмоций как пертурбаций в глубинах организма, осознаваемых душой в виде удовольствия, неудовольствия и т.п.

Все эти объяснения, за которыми стояла модель организма как "машины тела", на которую воздействуют другие физические тела, утверждала принцип детерминизма применительно к явлениям, которые веками относились за счет действий души.

В теоретическом плане никто не отрицал, что эти действия совершаются в организме, в головном мозгу. Следует, однако, не упускать из вида различие между теоретическим и категориальным. Для понятий об ощущении, рефлексе, ассоциации, эмоции имелись заданные механистическим стилем мысли категориальные основания, адекватные причинному объяснению как нерушимо императиву научного познания. Для действий души (сознания) и ее функций такого основания не было. Они появились, говоря языком И.П. Павлова, "ни отсюда, ни отсюда". Их первоисточником считалось сознание субъекта. Всё объясняя, оно претендовало на роль агента, который сам в объяснении не нуждается. Почему же без вмешательства этого бестелесного агента, подрывавшего до основания детерминистскую схему, нельзя было обойтись? Потому что за ее пределами оказывались реальнейшие свойства человеческой психики. Она объясняла ощущения, но не целостные образы вещей, рефлексы, но не произвольные действия, ассоциации, но не регулируемый целью (интеллектуальной задачей) ход идей, аффекты, но не палитру тончайших оттенков человеческих чувств. Все невыводимое из устройства и работы "машины тела" становилось добычей враждебной детерминизму психологии. Притом, легкой добычей. Дело не только в том, что детерминизм, родословная которого восходит к классической механике, мог при-

чинно объяснить лишь самые элементарные функции, тогда как вышние, образующие центр психической жизни, оставались на производ теоретических конструктов, чуждых нормам позитивной науки.

Дело, повторю, не только в этом, но и в том, что в лоне механодетерминизма психика неотвратимо оказывалась эффектом, следствием процессов в телесном субстрате, в нервных клетках и рабочих органах, но сама серьезную причинную роль в жизнедеятельности принять на себя не могла. В подобной ситуации тщетными были притязания на превращение психологии из отрасли философских знаний в науку.

Мощный импульс такому превращению придала эволюционная теория Дарвина. Она создала взамен механической биологическую картину организма и коллизий его отношений со средой обитания. Механический детерминизм, значение которого для революционных изменений во всем строе научного мышления переоценить невозможно, вынужден был отныне отступить перед триумфальным шествием детерминизма биологического. Это решительно изменило воззрение на психику как одно из жизненных проявлений. Идея о том, что естественный отбор истребляет все бесполезное для противодействия организма внешним, разрушающим его жизнь силам природы вкупе с данными об усложнении (а не истреблении) психических форм по всему ходу великого эволюционного процесса, побудила уважительно отнестись к этим формам как орудиям выживания вида (а, тем самым, и индивида, которому они дарованы естественным отбором).

Перспектива их объяснения под углом зрения не только обусловленности внешними биологическими факторами (в частности—генетическими и экологическими), но и самостоятельного причинного влияния на поведение организма становилась все более отчетливой.

Напомним, что следует различать два уровня исследований: теоретический и категориальный. Применительно к зарождению психологии как самостоятельной науки на теоретическом ландшафте ее статус определялся тем, что она является наукой о сознании, о "непосредственном опыте субъекта". Действительно, ни одна дисциплина не занимается данными этого опыта.

1 Именно так определял предмет психологии первый лидер сообщества психологов-профессионалов В.Вундт.

Но наряду с теоретической рефлексией о предмете он строился в глубинах исследовательской практики. Первоначально он был представлен в категориях психического образа и психического действия. В их разработке первую скрипку играли два великих ума прошлого столетия—Герман Гельмгольц и Иван Сеченов.

Гельмгольц, по образованию врач, занявшись физикой, открыл закон сохранения энергии. Под этим углом зрения он рассматривал живое тело (действия которого привыкли противопоставлять остальным телам природы по признаку одушевленности, т.е. регулируемости душой), как энергетическую машину. С позиций физика он приступил к экспериментальному анализу самых сложных органов живого тела—органов зрения и слуха. Непоколебимый детерминист Гельмгольц изучил их первоначально в пределах схемы, созданной и диктуемой механикой. Продукты их деятельности считались исчерпывающе объяснимыми воздействием физического стимула на нервное волокно. Следуя этой линии, Гельмгольц выдвинул ряд продуктивных гипотез, касающихся телесного механизма психических феноменов—зрительных и слуховых ощущений.

Однако его мысль повернула в сторону нового детерминизма, когда ее предметом стали взамен зрительных ощущений зрительные восприятия. Здесь Гельмгольц столкнулся с зависимостью психических образов не только от устройства нервного аппарата, но и от двух других факторов: отношений организма к внешней среде и от его двигательной активности, подчиненной определенной логике. Ни одно, ни другое не вмещалось в прежнюю "сетку" детерминистского объяснения.

Разрывая ее, Гельмгольц создавал новую, о чем говорили два понятия, ставшие вскоре поводом для многих дискуссий. Это понятие о знаковой природе чувственных данных и понятие о "бессознательных умозаключениях". Оба понятия сложились в связи с потребностью разобраться в важнейших для биологического выживания живых существ свойствах зрительного образа.

Его знаковый характер выражен в том, что он создается нервными волокнами, но служит различению объектов внешней среды, в которой ориентируется организм.

Важнейшее свойство образа—константность, то есть постоянство величины, цвета, формы, при изменчивых условиях.

"Животному, которое опасается хищника, последний должен казаться (когда бы не было константности величины) на расстоянии ста шагов уменьшившимся в сто раз"¹.

Когда изменяется расстояние, на котором расположен предмет, угол зрения, под которым он воспринимается и т.д., изменяется по законам оптики и его изображение на сетчатке (сетчаточный образ). Но одновременно изменяется также и напряжение глазных мышц, их двигательная активность, которая приспособливает глаз к ясному видению и к возможно более адекватному восприятию объективных характеристик внешних предметов. Зрительный аппарат каждый раз так бы делает вывод: "Если..., то", а это уже настоящая логическая операция (умозаключение)². Однако, она производится не умом, а оптической системой глаза с приданным ему мышечным аппаратом. Причем, в отличие от абстрактного человеческого мышления, производится бессознательно и потому была названа Гельмгольцем бессознательным умозаключением.

Концепция Гельмгольца была развита на новых детерминистских началах Сеченовым.

Дело в том, что Гельмгольц относил построение бессознательных умозаключений за счет волевых усилий субъекта, его особых "ощущений иннервации". В силу этого конечной причиной двигательной операции, ее последним автором оказывался субъект, для которого никаких причинных оснований уже не указывалось.

Сеченов же решительно отверг само существование этих сомнительных "ощущений иннервации", доказав, что мышцы глаза работают рефлекторно. Они являются органами не только движения, но и познания. "Засекая" изменения в среде, обладая "темным чувством", посылают сигналы об этих изменениях исполнительным органам, которые автоматически наводят мышцы на цель (в случае зрения этой целью является наиболее ясное видение). Перед нами "кибернетический" механизм — механизм саморегуляции на обратных связях, логика работы которого является аналогом сознательных логических операций. Ощущение (чувствование—сигнал) и движение выступали как единый интегральный акт, который имеет свою историю в онтогенезе.

¹ Выготский Л.С. Собр. соч. т. 2, с. 368.

² В логике—импликация— высказывание, которое образовано из двух высказываний с помощью союза "если..., то".

Именно это последнее обстоятельство, как особо существенное для психологии, Выготский выделил в своей оценке взглядов Гельмгольца на константность восприятия величины предмета. Гельмгольц вспоминал, как в далеком детстве, проходя мимо колокольни, он принимал находящиеся там людей за маленьких человечков. И лишь в дальнейшем восприятие стало более адекватным. Тем самым, согласно Выготскому, Гельмгольц дал верное направление, которое "заключается в том, чтобы не принимать ортоскопический¹ характер восприятия как нечто изначально данное, а понимать его как продукт развития"².

В то же время, по мнению Выготского, "ссылка Гельмгольца на бессознательное умозаключение явилась неудачной гипотезой, которая намного затормозила поиски в этом направлении"³.

Очевидно, что Выготский, в отличие от Сеченова (перевод которым понятия о бессознательных умозаключениях на язык рефлексорной теории остался Выготскому неведом⁴) не оценил потенциал этого понятия в плане включения категории предметного действия, реальной двигательной активности организма в систему представлений о строении и развитии интеллекта. Общая установка на выявление ведущей роли слова в организации присущих человеку психических форм побудила его сосредоточиться взамен проблемы о зависимости чувственного образа от реального действия на проблеме зависимости восприятия от запечатленного в слове значения, от уровня развития речи⁵.

Если для Гельмгольца и Сеченова психическая причинность выступала в категориях образа и действия, регулирующих поведение всех живых существ, то у Выготского магистральной являлась линия поиска детерминант деятельности *человеческого сознания*.

1 Этим термином (по аналогии с орфографическим) Выготский обозначал "правильный" характер восприятия предмета, его (восприятия) константность.

2 Выготский Л.С. Цит. соч. т. 2, с. 370.

3 Там же, с. 371.

4 Как это ни прискорбно, но знание Выготским, также, как и другими русскими психологами, новаторских сеченовских идей ограничивалось тем, что было сказано в его первом знаменитом "психологическом этюде"—"Рефлексах головного мозга". Выношенные же Сеченовым (как он писал своему другу И.И. Мечникову: "около самого сердца") положения о роли мышцы в построении пространственно-временного образа мира и в "элементах мысли" (сравнении, анализе, синтезе, умозаключении) ждало долгое забвение.

5 "Будем ли мы иметь дело с осмысленным, ортоскопическим или синкретическим восприятием—все это зависит от степени развития детских слов". Цит. соч., с. 415.

Схема поиска была однотипной. Она имела в своем подтексте одну сверхзадачу — покончить с расщепленностью психологии на объяснительную и описательную. Первая была детерминистской, но натуралистической. Вторая — индетерминистской, спиритуалистической, но обнажающей истинно человеческие аспекты психической жизни в их высшем драматическом выражении. И здесь, по мысли Выготского, исследовательская стратегия должна быть следующей. Нельзя, говоря его словами, "ставить крест" на аспектах и проблемах, ставших цитаделью описательной, телеологической психологии. Но и наличными средствами объяснительной каузальной психологии эту цитадель взять нельзя.

Между тем, других причинных схем научная психология не создала. Однако, без собственных схем, отличных от физических, биологических или социальных, ничто не может отстоять ее суверенитет.

Отсюда и направленность поисков Выготского. Сопоставив трактовку психических функций на каузальном полюсе и на полюсе телеологическом, выйти на оперативный простор экспериментального изучения психических фактов в новом "измерении". Сохранить верность постулату казуальности, благодаря которому человечество веками не только гордится наукой, но и преобразует, опираясь на ее детерминистские формулы, свой мир на практике. И в то же время придать этому постулату способность объяснить жизненные явления действием психических факторов, несводимых ни к каким другим. В том числе и те явления, для естественноисторического каузального познания которых, согласно вердикту спиритуалистической психологии, путь навсегда заказан.

Роль главной детерминанты в своей концепции психической причинности Выготский возложил на слово в его различных ипостасях (речевая реакция, знак, значение или смысл слова)¹.

Опираясь на этот каузальный фактор, он, как отмечалось, объяснял целостность, константность (ортоскопичность) психического образа восприятия с присущими ему категориальными характеристиками

1 Как отмечалось, он стал различать значение слова и его смысл лишь на последней фазе творчества. Вместе с тем, нельзя отождествлять неразличимость значения и смысла слова в роли психических детерминант ("семический анализ") в данный "средний" период его исканий с предшествующим периодом, когда он весьма энергично сосредоточился на знаке (сигнификативный анализ).

(осмысленностью и т.п.), притом впадая во имя того, чтобы придать значению слова роль главного организатора сенсорного образа, в односторонность, поскольку игнорировал моторный аспект построения образа и участие в этом построении неосознаваемых субъектом неречевых интеллектуальных операций (см. выше). Главным для него было доказательство того, что ассоциативная концепция чувственного опыта¹ (имевшая, как известно, не только психологическое, но и философское значение) бессильна перед его характеристиками, на которых спекулировали теории, утверждавшие, что осмысленность, целостность и другие (несводимые к эффектам воздействий физических раздражений на телесный орган) качества творятся активностью духа. Это же относится и к трактовке Выготским других функций: памяти, разъятой прежней психологией на ассоциативно-механическую и смысловую, фантазии, которая либо сводилась к комбинации простых элементов опыта, либо считалась априорно присущей сознанию; к мышлению, где критика механических тенденций служила опорой концепций об его изначальной бестелесности, телеологичности и т.д.

Все эти контroversы, согласно Выготскому, разрешимы на путях синтеза трех установок:

а) Системность. Различные функции даны не изолированно, но в системе межфункциональных связей.

б) Развитие. Психологические системы проходят ряд эпох в своей эволюции.

в) Причинность (детерминизм). Поскольку первой детерминантой, как отмечалось, выступило значение слова, в свою очередь находяще-

1 С этой доминировавшей в начале века концепцией Выготский был знаком в университетский период. Об этом говорит случайно оброненная им фраза в лекциях по психологии: "В годы, когда я учился в университете, восприятие младенца рассматривалось таким образом: ребенок способен воспринимать акус — горький, кислый, он воспринимает тепло, холод... Но все это разрозненные ощущения. Так как известные группы ощущений повторяются в известной комбинации особенно часто, то они начинают восприниматься ребенком комплексно... Благодаря этому возникает восприятие в собственном смысле слова" (там же, с. 366). Это воспоминание значимо и в том отношении, что Выготскому были знакомы классические психологические теории еще в университетский период, то есть до 1917 года, когда он по собственному свидетельству стал заниматься психологией.

еся на различных уровнях развития, то именно оно приобретало роль организатора систем и их трансформации.

Это создавало уязвимые пункты в трактовке Выготским психической причинности, что наиболее отчетливо выступило в его попытках объяснить волевое действие. Говоря о трудностях его причинного объяснения, Выготский писал: "Основная трудность, основная загадка в том, чтобы с одной стороны, объяснить детерминированный, каузальный, обусловленный, так сказать, естественный ход волевого процесса, дать научное понятие этого процесса, не прибегая к религиозному объяснению¹, а с другой стороны—применяя такой научный подход к объяснению волевого процесса, сохранить в воле то, что ей присуще, именно то, что принято называть произвольностью волевого акта, т.е. то, что делает детерминированное, каузальное, обусловленное действие человека в определенных условиях свободным действием. Иначе говоря, проблема переживания свободного волевого процесса, то, что отличает волевое действие от других—это есть основная загадка, над которой бьются исследователи самых различных направлений"².

Размышляя об этом, Выготский опять-таки принимал за исходный пункт указание на то, что действие начинается "с примитивной словесной инструкции"³. Но затем Выготский ставит вопросы: "В какой мере примитивные формы детской волевой деятельности представляют применение самим ребенком по отношению к себе тех способов, которые по отношению к нему применяет взрослый человек? В какой мере волевое поведение ребенка проявляется как своеобразная форма его социального поведения по отношению к самому себе?"⁴.

Теперь не значение слова и уровни его развития, а социальное поведение становится детерминантой волевого акта, который для каузально ориентированной мысли веками служил "главным камнем преткновения. Вскоре это социальное поведение выступит у Выготского в образе социальной ситуации развития, и проблема, названная

1 Как на типичный образец спиритуалистических теорий Выготский указывает на теорию Джемса, которую американский психолог назвал латинским словом "фиат", взятым из Библии, что значит "да будет" с помощью Бога-творца, создавшего мир. Цит. соч., с. 459.

2 Цит. соч. т. с. 461.

3 Там же, с. 464.

4 Там же.

им "проблемой переживания свободного волевого процесса" обернется новым единством: не мышления и речи, а мышления и аффекта. Здесь можно сказать то, что самим Выготским было сказано по поводу одной книги Фрейда: "Значение этой книги не зависит от фактической проверки ее достоверности: принципиально она верно ставит вопрос. И для постановки таких вопросов, говорил я, нужно больше творчества, чем для очередного наблюдения по установленному образцу в любой науке"¹.

По извилистости творческого пути Выготского нет ему в мировой психологии равного. Достаточно напомнить о ключевых словах, по следам которых видны порой крутые повороты этого пути. Символ, речевой рефлекс, речевая реакция, знак, инструментальный акт, значение, смысл, переживание. Каждый из терминов уходит в великую историческую традицию, и каждый является омонимом, стало быть, одинаково звучащим, хотя и отличным от всех других понятий о психическом мире человека. Термин обретает необщее выражение на пересечении многих линий мысли.

О каждом термине можно напомнить сказанное Выготским по поводу понятия о рефлексе².

Речь шла (по И.Гебелю) об одном немецком ремесленнике, услышавшем в Голландии в ответ на все свои вопросы: "Чей это дом? Кто приехал? и т.д." один и тот же ответ: "Каннитферштан". Он решил, что все в стране совершается одним человеком, тогда как слово просто означало, что его не понимают. Обо всем говорить "это рефлекс" или это "переживание"—значит лишать термин эвристической рабочей нагрузки. Он способен ее обрести только в системе категорий и объяснительных принципов, находящейся на определенной ступени развития.

Отправляясь от уровня, достигнутого мировой психологической наукой ко времени своего появления в ней, Выготский смог продвинуться, откликаясь на "будущего зов" к важным инновациям во всей системе категорий этой науки: действия (как заданного историко-культурным знаком инструментального акта), образа (как стадийно развивающегося учения), мотива (как аффективно-смыслового аспекта волевой задачи), общения (как сотрудничества и диалога) и личности (как истории переживаний человека в качестве участника драмы жизни).

1 Выготский Л.С. Собр. соч. т. , с. 336.

2 Цит. соч., т. 1, с. 82.

Такова была намеченная Выготским, во многом им незавершенная картина психической организации человека. Она созидалась в гуще эмпирической работы по нескольким, сменявшим друг друга исследовательским программам. Сперва по программе инструментальной психологии, затем—по онтогенезу интеллекта и, наконец, по изучению личностного возраста в социальной ситуации развития.

Как уже отмечалось, историческая координата научного творчества (с ее представленностью в категориальном строе науки, объяснительных принципах и исследовательских программах) сама по себе недостаточна, чтобы объяснить его природу и динамику. Его реальным субъектом является сообщество, где "драма идей" выступает в образе "драмы людей" с притязаниями каждого ее героя на правоту и новизну собственного видения реальности.

Ученый мир в любую эпоху представляет собой множество интеллектуальных центров, столкновение и напряженное противодействие которых друг другу порождает новое знание. Изучая диалогическую природу мысли, М.М. Бахтин отмечал, что "логические, предметно-смысловые отношения сами по себе лишены диалогического момента"¹. Но "распредмечивая" текст, можно обнажить скрытое за ним столкновение авторского слова с чужим.

Без такого столкновения авторское слово вело бы себя иначе, структура речи и мысли была бы другой. Выготский предстает как великий мастер продуктивного диалога в огромном оппонентном кругу. Нет такого направления в психологии его эпохи, с которым он не вел бы открытую либо скрытую полемику, без коллизий которой не было бы и его собственных решений, прогнозов, гипотез. За этой второй—соционаучной—координатой его творчества просвечивает и третья, в которой представлен его уникальный личностный когнитивно-мотивационный стиль.

С присущими ему, как уже сказано, сближением "далековатых идей", полифоническим диалогизмом, напряженной методологической рефлексией, "бинокулярным" видением души глазами человека искусства и натуралиста.

1 Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1972, с. 312.

Данная работа выполнена в русле одного из исследовательских направлений Международного фонда истории науки. Смысловой центр этого направления определен потребностью в изучении интегративных тенденций в развитии комплекса знаний о человеке.

Поэтому особый интерес представляет изучение деятельности и личности ученых, стилю которых присущ междисциплинарный интегратизм. Их идеи рождались в своеобразном диалоге между "головом" психологии и тем, что открыли в поведении и сознании живых существ другие науки. Это, с одной стороны, обогащало саму психологию, с другой—эти науки, имеющие "человеческое измерение".

Мы могли убедиться в этом, коснувшись исканий Л.С. Выготского—одного из лидеров психологии XX столетия. Его теоретическая конструкция вобрала заданное и созданное многими ответвлениями биологического и социального знания и, именно поэтому, широко отозвалась в различных дисциплинах—от психиатрии до семиотики.

Ныне, когда нарастает потребность в человекознании, ориентированном на программы развития и модификации жизни личности, обращение к историческому опыту таит важный эвристический смысл.

По прекрасному слову историка Р. Коллингвуда "Познание самого себя означает познание того, что вы в состоянии сделать, а так как никто не может знать этого, не пытайтесь действовать, то единственный ключ к ответу на вопрос, что может сделать человек, лежит в его прошлых действиях. Ценность истории поэтому и заключается в том, что благодаря ей мы узнаем, что человек сделал и, тем самым, что он собой представляет"¹.

В нашем контексте речь идет о человеке науки, исследующем природу человека. История его исследовательских действий—источник сведений о предпосылках новых прорывов в непознанное.

Автор выражает глубочайшую признательность президенту Международного фонда истории науки профессору Аркадию Ивановичу Мелуа, чья деятельная поддержка в дни колебаний и сомнений, столь естественных в нынешних условиях научной работы, позволила реализовать исходный замысел и представить на суд читателя эту работу.

¹ Р.Коллингвуд. Идея истории. М., 1980, с. 14.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Логика роста знания, оппонентный круг и когнитивный стиль Выготского	27
Вехи творчества	40
Становление мыслителя	99
Учитель в Гомеле	114
Первый эскиз новой психологической концепции	123
Аномальный ребенок в мире культуры	135
Кризис науки	183
Инструментальная психология	207
Психология в терминах драмы	232
Судьба слова в жизни мысли и путь к понятию	238
От Декарта к Станиславскому	256
Личный возраст и проблема переживания	262
Заключение	272

Михаил Григорьевич Ярошевский

**Л.С. ВYGOTСКИЙ: В ПОИСКАХ
НОВОЙ ПСИХОЛОГИИ**

Печатается в соответствии с проектом Международного фонда истории науки
при сотрудничестве с фирмой "Стройлеспечать"

Лицензия на издательскую деятельность ЛР № 030203,
выданная Международному фонду истории науки 15.11.91.

Подписано в печать 20.06.93. Сдано в набор 25.06.93. Бумага офсетная № 1. Формат
60x90 1/16. Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,0. Уч.-изд. л. 18,8.

Тираж 1 000 экз. Заказ № 2386. Цена договорная.

Издательство Международного фонда истории науки,
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 5.

Типография "Ривьера". Санкт-Петербург, ул. Смольного, 3.